

Диана Бишк

ТАНЕЦ МОТЬІЛЬКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Я помню тебя...

18+

Я помню тебя

Диана Биљк

Танец мотылька

«Автор»

2017

Биљык Д.

Танец мотылька / Д. Биљык — «Автор», 2017 — (Я помню тебя)

ISBN 978-5-532-12402-8

Я - успешная танцовщица. Сильная и свободная реалистка. У меня стабильное настоящее и радужное будущее. Но. Однажды все меняется: знакомые меня не узнают, родные бесследно исчезают, и теперь я еще и жена. Мир другой: опасный, неправильный и жестокий. Я сталкиваюсь с тем, во что никогда не верила и считала бредом психов. Магия? Да вы смеетесь! Но мне придется выбрать: признать чужого человека мужем или себя сумасшедшей, поверить в необычные способности или согласиться на лечение в клинике для душевнобольных. Да, я не верила в магию. Раньше. А вы верите? Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-12402-8

© Биљык Д., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Глава 1. Осколки прошлого	5
Глава 2. У страха глаза велики	8
Глава 3. Дыши	11
Глава 4. Кто я?	14
Глава 5. На краю иллюзии	17
Глава 6. Никто не придет	20
Глава 7. Не сумасшедшая	22
Глава 8. Кто ты?	25
Глава 9. Чужак	27
Глава 10. Нелепости продолжаются	29
Глава 11. Предупреждение	31
Глава 12. Муж	34
Глава 13. С ног на голову	36
Глава 14. Дом	38
Глава 15. У кольца нет конца	41
Глава 16. Ничего общего	44
Глава 17. Ложь не бывает сладкой	47
Глава 18. На грани возможностей	50
Глава 19. Спасение	53
Глава 20. Мотыльки	55
Глава 21. Все сложно	57
Глава 22. Возрождение	59
Глава 23. Ничего не говори	62
Глава 24. По острью	64
Глава 25. Сорвавшись	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Диана Бильк

Танец мотылька

Глава 1. Осколки прошлого

– Проснись!

Молоко перед глазами медленно расступается: вижу едва различимые силуэты и очертания незнакомой комнаты.

Где я?

Белые стены, облученный грязный потолок, на окнах вместо штор – пыльные тряпки.

– Вставай! – слышу настойчивый шепот над головой.

С трудом поворачиваюсь. Тру холодными пальцами слипшиеся веки и пытаюсь разобрать, кто говорит. Ко мне склоняется черноволосая девушка. Локоны свисают на белоснежный халат, будто символ Инь-Ян. В руках у нее блестит что-то длинное. Резкий запах спирта, хлорки и крови раздирает ноздри, и я стараюсь дышать нечасто.

Зажмуриваюсь и пытаюсь спросить, что происходит, но не слышу себя. Слабый хрип вырывается изо рта и клокочет в груди.

Что со мной?

Скрип и шорох раздражают слух до зубной боли. Девушка приподнимает меня и, подпев спину подушкой, усаживает выше. Движения ее точные, выверенные, будто ей приходилось это делать тысячу раз.

– К тебе посетитель. Приходи в себя.

Молча киваю.

Я осознаю, что в больнице. Но почему? Чтобы разобраться, вспоминаю, что было «до».

Расталкивая локтями толпу, я бежала на остановку со всех ног и не чувствовала усталости. Сбивая с ритма, за спиной неистово болтался рюкзак. На повороте пуанты, что лежали внутри, врезались в лопатки. Не обратила внимания на боль – привычная. Я должна успеть...

Маршрутка подъехала быстро. Когда я влетела в душный салон, за мной медленно закрылась дверь, будто захлопнулась крышка ловушки.

Дальше цельная картинка дробится на сегменты и пузырится, как пластик, брошенный в огонь. Перед глазами мельтешат воспоминания-слайды.

Что-то холодное и твердое впилось под ребро. Я смешалась с людьми, оказалась придавлена их телами и обрывками-обломками вещей. Последний рывок авто бросил меня вперед. Сильно ударившись грудью, я вцепилась в чью-то руку и успела сложиться вдвое, прежде чем крыша вогнулась и сдавила людей. Бурая пелена внезапно застлала глаза и окунула меня в темноту.

Осознаю, что случилось непоправимое, и резко выгибаюсь. Простреливает тело, с губ срывается крик, больше похожий на вопль.

Девушка-медсестра терпеливо придерживает меня, пока я трясусь. Черные волосы падают мне на плечо.

– Спокойно, все хорошо, – шепчет она. – Попей. У тебя губы потрескались, – протягивает мне стакан и насилино прижимает холодное стекло ко рту. Зубы неприятно цокают, и мне кажется, что крошится эмаль. Я испуганно гляжу в глаза медсестры и, кажется, утопаю во мраке: такие они черные.

Отстраняюсь и вдавливаюсь в подушку. От паники меня бросает в неуемную дрожь. Девушка переворачивает стакан и держит мой затылок. Горькая жидкость льется в горло, про-

талкивая горечь ниже и глубже. Часть сплевываю, но медсестра, приподнимая пальцами подбородок, запрокидывает мою голову, и я непроизвольно глотаю остаток.

– Вот и умница, – говорит темноволосая, дохнув на меня ароматом персикового йогурта, и хлопает одобрительно по плечу. Едва касаясь, но мне становится легче.

Девушка подбивает подушки и отклоняет меня назад, как куклу. Я взвизгила от пронизывающей острой боли под грудью. Дышу шумно, точно старуха. Мне страшно.

– Без паники. Ты в рубашке родилась, милая, – наконец, медсестра отходит к окну. Черные локоны свешиваются на спину и трепещут, будто ленты на сквозняке. Девушка распахивает тряпье, похожее на занавески. Пыль соскальзывает с ткани и расплывается в воздухе мелкими частичками, словно крохотными бабочками. Солнечный свет режет глаза и заставляет зажмуриться.

– Кто-то выжил? – шепчу обессиленно. По щекам медленно сползают слезы: они, как кислота, разъедают кожу. На миг перестаю дышать. Острее физической боли может быть только осознание необратимости.

Девушка неторопливо поворачивается. Замечаю какие тонкие у нее брови и темные радужки. И понимаю все по глазам.

Она протяжно выдыхает и оставляет вопрос без ответа.

Закусываю губу, чтобы не закричать. Жжет и горит в груди, и вот-вот вместо воздуха из легких польется лава. Соленый вкус растекается по языку. Дышу. Пытаюсь дышать.

Не место мне здесь.

Перед глазами пролетают сотни бессвязных картинок: капли пота на крыльях носа, рукав закатанной рубашки водителя – белой, как первый снег, слипшиеся волосы, грязные пакеты, объемные сумки, букет малиновых гербер, полумрак, синие верхушки сидений, блики солнца на зашторенных окнах маршрутки. Затем к картинкам прибавляется звук: шуршание колес, мерный говор пассажиров, девичий смех в конце салона.

Гул голосов резко обрывается миллисекундной гробовой тишиной. Слух взрывает высокий девичий писк. Он смешивается с визгом тормозов. Удар, и меня выбрасывает в проход. Несколько переворотов. Мир крутится в бешеном брейк-дансе, я чувствую в своей ладони чью-то руку. Яркий всплеск. И тьма.

Смотрю в потолок и быстро моргаю, чтобы прогнать видение. Помогает, но сердцебиение уже не остановить. Оно напоминает мне стрелу безысходности и обреченности, что сорвалась с натянутой тетивы и летит в цель-судьбу.

– Ну, что? Готова? – вырывает меня в реальность голос медсестры.

– К чему?

– Да посетитель пришел. Я же говорила, – девушка отходит в сторону, хватает худенькими пальцами спинку кровати и глядит в мое лицо так смело и настойчиво, что на секунду кажется давней подругой. Но потом я всматриваюсь и понимаю, что обозналась.

Киваю неуверенно: сейчас не хочется никого видеть. Я даже знаю, кто пришел. Подозреваю. Меня сковывает ледяным страхом и липкая холодная капля сбегает под ворот рубашки. Смахиваю остатки слез, теперь они кажутся мне не горячими, а наоборот – мерзлыми, колючими и острыми, как стекло. Остается надежда, что это родные пришли, а не мой личный враг.

Девушка суетится около меня. Подтягивает к кровати подставку с капельницей, неприятно шаркая обувью. Хмурюсь. От переизбытка эмоций кожа на щеках натягивается и зудит. Все раздражает: свет, гул из коридора, шорох подошв, даже собственный стук сердца кажется лишним.

Хочу спрятаться в ладонях и натыкаюсь пальцами на широкий пластырь на щеке. Изучаю, веду рукой выше и ловлю еще один на лбу. Что это? Тяну себя за волосы: сбились, грязные, скомканные и похожи на затасканный коврик. Медный цвет потускнел и напоминает обмазанные кровью нитки для вязания.

– Есть зеркало? – умоляюще гляжу на медсестру.

Она щелкает ногтем по стеклу пузатой бутылки, прокалывает резиновую крышку и устанавливает ее вверх тормашками, а затем мотает головой.

– Не стоит. Не советую.

– Что там? – прощупываю бугорки нос, губы. Все на месте, но словно другое. Я – не я. Шероховатое и опухшее.

– Заживет, но сейчас лучше не смотреть. Отеки и все такое. Ты и так на взводе. Сейчас капельницу поставим. Часок полежишь, успокоишься, поговоришь с психотерапевтом. Тогда – пожалуйста, смотри. А то мне на дежурстве не хватает только истерик. И так чуть ли не взвод отпрали в морг.

Меня трясет от ее прямоты.

– Не нужно лекарства… – шепчу я. Коробит сам запах больницы, а думать о том, что по венам потечет непонятное вещество – это вообще кошмар. – Я хочу видеть врача, узнать, что мне прописали.

– Как это? – девушка склоняется надо мной и осторожно прощупывает вену на внутренней стороне локтя. Затем отпускает меня. – Ладно. Через час Зуев обещал зайти, тогда и поставлю. Ты пока поговори со следователем.

– С кем? – вырывается у меня непроизвольно.

– Сейчас увидишь. Если что – зови. Я в коридоре – услышу. Больница переполнена, прости, что тебя положили в этой каморке. Палат свободных совсем нет. Врачи на операции, так что на посту только я. Кстати, меня Лизой зовут.

Я хочу спросить связались ли с моими родными, но не успеваю. Девушка исчезает за дверью, вильнув густым хвостом, и еще какое-то время я слышу ее шаги: точные и ритмичные, напоминающие чечетку.

Глава 2. У страха глаза велики

Долго смотрю под дверь. Солнце из коридора веером лучей заползает в палату. Или каморку. Да: повезло так повезло.

Меня вдруг подкидывает от острого осознания.

Я не успела на кастинг! Столько готовилась, и все в тартарары. И это ужасней, чем сама авария и гибель людей. Да, я – эгоистка. И танцы для меня – все.

Отодвигаю горловину сорочки и смотрю под одежду. Туловище перебинтовано, грудь в синяках и кровоподтеках. Нет-нет-нет! Это не может сломать меня. Я все равно буду танцевать! Хоть все ноги переломайте – все равно! Буду ползать на карачках, но пуанты не брошу. Ни за что!

Сцепляю зубы и мычу от злости на себя. Как всегда, не уследила за временем. Отвратительная привычка. Боже, что я сделала не так? За что такое наказание? Не за опоздания ведь? Но для себя решаю, что задержалась так в последний раз.

Откидываю одеяло и осматриваю ноги: куча ссадин, царапин и синяков, но с виду целые. Прощупываю колени: даже не больно. Фух! Отлегло. Валюсь на подушку, морщась от прострелов под грудью.

Слышу шаги. Укрываюсь, подтягивая одеяло чуть ли не на подбородок. Страшно.

Свет на полу преломляется, затем дверь медленно выступает вперед.

Не дышу. Стук сердца врывается в виски гонгом. Только не он! Только не он!

В палату заходит седовласый мужчина. Одет просто: классические брюки кирпичного цвета и светлая рубашка с короткими рукавами. Жара продолжается. Это здесь холодно, как в могиле, а на улице – лето в самом разгаре.

Я облегченно выдыхаю. Не он.

– Виктория Крылова?

Не хочу отвечать, но киваю. Что ему нужно?

Мужчина проходит вперед, отстукивая каблуками по полу ровный штрих: раз-два, раз-два – марш. Перебрасывает из руки в руку кожаную папку.

– Меня зовут Пестов Николай Владимирович. Я расследую, – он запинается, приседает на приготовленный Лизой стул и раскрывает бумаги, – аварию на проспекте Мира.

Смотрю на него и понимаю, что сейчас прозвучат те самые вопросы, от которых не убежать. Стынет кровь в жилах. Сглатываю горечь, будто отвар полыни. Лучше бы позволила медсестре вколоть прозрачную гадость. Может, не так болело бы в груди, может, все это воспринималось бы легче? Каморка, и без того маленькая, сдавливает меня, сужается, а ее стены, будто кренятся, готовые рухнуть. Сжимаюсь еще больше. Резь ползет по ладоням: кажется, я проколола ногтями кожу.

– Я быстро, чтобы вас не мучить. Всего несколько вопросов. Вы понимаете, о чем мы говорим?

Кивок.

Осторожно вдыхаю. Воздух колючий, похожий на едкий дым у костра, что разъедает глаза и заставляет отойти в сторону. А сейчас мне скрыться некуда, есть только один выход: узнать все и принять правду.

– Хорошо. Помните хоть что-то?

Еще кивок.

Можно ли помнить то, что заставляет тебя выть от боли? Можно ли вспомнить то, что кажется невесомым далеким счастьем?

– Рассказать сможете?

Нет! Закрываю глаза. Кровавые скриншоты врываются в память. Усиленно мотаю головой: «Нет-нет-нет!».

– Ладно, попробуем иначе. Где вы сели в маршрутку?

– На перекрестке Южной улицы и переулка... не помню название, – голос совсем не мой, хриплый, сухой.

– Это ваши вещи? – он протягивает фотокарточку, и я вижу залитые кровью балетные туфли.

– Мои.

Следователь трет подбородок, прилично заросший седой щетиной.

– То есть, вы сели и...

Я смотрю на него и недоумеваю. Что он хочет? Что мне сказать, если помню все отрывками? Кусками, вырванными сознанием из сумасшествия.

– Помню лишь, как нас понесло, и машину начало крутить. Потом меня придавило людьми, и я отключилась, – выдохнула, будто выплюнула гадость, что скопилась внутри. Может, хватит?

Николай Владимирович прищуривается и чмыхает носом. Прячет фото, достает еще стопку.

– Можете глянуть? Вдруг кого-то узнаете.

Вдавливаю спину в подушку до хруста позвонков.

– Вряд ли. Я даже не успела оплатить проезд. Как там можно было кого-то рассмотреть?

Рука следователя застывает в воздухе. Он трясет снимками.

– А все же гляньте. Мало ли.

Беру и без интереса листаю, по одной откладывая в сторону. Всех этих людей уже нет в живых. Меня ломает от душевной боли, грудь стягивает невидимыми тисками. Стараюсь дышать.

– Вы были с мужем?

– Я не замужем, – автоматом отвечаю и задерживаю взгляд на одной фотографии.

На ней пожилой мужчина. Нахожу в его взгляде что-то едва уловимое: близкое и знакомое. Встряхиваю головой. Некогда локоны, а сейчас засаленные бурые трубочки, трясутся на плечах.

Пестов прочищает горло, шуршит бумагами.

– Ваши документы говорят о другом, – он передает в раскрытом виде паспорт, а я все еще смотрю на фото незнакомого человека.

Кто он? Почему у меня стойкое ощущение неправильности, какой-то ущербности ситуации, нелогичности и обмана? Почему мне кажется, будто я его где-то видела? Кто этот незнакомец на фото? Может, один из папиных знакомых по работе? Или кто-то из преподавателей университета, где мы часто проводили репетиции?

Наконец, вытаращаюсь на протянутую следователем страницу, еще не до конца понимая, о чем он говорит. Меня больше занимает то, что память упрямо сопротивляется и не отвечает мне. Кто этот человек на фото?

– Виктория, вы уверены, что все помните?

– Конечно.

И здесь я натыкаюсь взглядом на слегка размытую печать: «Зарегистрирован брак с...»

Меня корчит от судороги в бедре. В горле комом застывают непонимание и ужас. Я отталкиваю руку следователя и мямялю, что это ошибка.

– Это не мой паспорт. Я не замужем, я же сказала.

Николай Владимирович демонстративно переворачивает страницы и тычет пальцем в лицевую.

Хочется отпихнуть его, но застываю. На меня глядит рыжая, скорее, с медными волосами, девушка. Я.

Опускаю взгляд, шарю глазами по бумаге. Крылова Виктория Сергеевна, 1986 год рождения, дата – совпадает с моей и ниже… моя подпись.

Отбрасываю в сторону фотку незнакомца, выдергиваю документ из пальцев следователя и судорожно листаю к штампу о браке.

Читаю вслух:

– Зарегистрирован брак с Вольным Марком Власовичем, пятое августа две тысячи тринацатый год. Что? Три года назад? Ересь! Этого просто не может быть, – я истерически смеюсь. Гляжу на мужчину, и моя улыбка сникает, наткнувшись на его тяжелый взгляд. Ну, разыграли! Хорошо. Что дальше? Какой в этом смысл? Но Николай Владимирович не отводит взгляд, серьезно смотрит на меня и качает головой, словно ставит диагноз – «слабоумие». Глотаю слону и выдавливаю, – просто, я… такое бы запомнила.

– Конечно, но сейчас, видимо, не все так просто.

– Как это? – меня мутит. Хочется сложится пополам, скрутиться под одеялком и очнуться в своей квартире. Ведь это же сон?

– Вика, у меня последний вопрос, – жестко чеканит Николай Владимирович.

Я готовлюсь к очередному моральному удару.

Не хочу больше вопросов, ничего не хочу. Хочу в зал, хочу надеть пунанты и танцевать. Пока не сотру чертовы пальцы в кровь, пока голень не сведет так, что идти домой придется, согнувшись, как старуха. Пока тело не выплеснет столько пота, что, кажется, стоит коснуться, и рассыплюсь в труху от потери влаги. Хочу домой, хочу в ту жизнь: привычную и теплую. К родным и близким. Они так нужны сейчас. Где они? Верните их!..

Ну, кроме одного персонажа. Его не надо.

В палату врываются несколько человек. Все в белом. Один из них – краснощекий врач средних лет – уверенно проходит к кровати, приветствует следователя аккуратным поклоном головы. Остальные – те, что моложе – остаются позади.

– Я еще минутку, – Николай вытягивает указательный палец вверх, имитируя единицу, и поворачивается ко мне. Стальные глаза из-под седых бровей прожигают насквозь, и мне становится не по себе. – Вы помните, куда вы направлялись?

– Да, на кастинг-отбор в мюзикл «Танец мотылька». Слышали?

– Нет, но теперь услышу. Благодарю за беседу, я еще навещу вас. Возможно, завтра, – мужчина быстро сгребает снимки с постели и откланивается.

Паспорт так и остается у меня в руке. Как доказательство моего помешательства. Неизлечимого помутнения рассудка.

Глава 3. Дышни

Мы остаемся вдвоем. Практиканты почти сразу выходят и еще долго галдят в коридоре. Доктор Зуев осматривает меня, задает нелепые вопросы. Вроде: есть ли у меня братья или сестры, сколько им лет, в каком году умерла бабушка и в какую школу я ходила. Хочу покрутить пальцем у виска, и тут врач задает новый вопрос, который заводит меня в тупик:

– Помнишь, когда ты первый раз надела балетки?

Я застываю. Память упирается в пустой блок. Ну, не могла же я родиться в пуантах?

Доктор, со странным именем для нашей страны – Бенедикт – пишет что-то в планшетку, светит мне в глаза фонариком, затем шумно выдыхает. На меня обрушивается сивушное зловоние.

Ужас, где меня лечат?

Лежу в каморке, врач – алкоголик. То-то я смотрю у него нос распухший и щеки, как переспевшие помидоры.

– От вас несет, – не сдерживаюсь.

Зуев отстраняется, еще пуще багровеет.

– Ох, детка. Нервы шалят. Вас же, как из мясорубки, привезли. Тем более, моя смена уже закончилась. Я просто пришел убедиться, что ты в порядке. Не нравится мне твоя посттравматика.

Стыдливо гляжу на него и понимаю, что болтнула лишнего. Хочу извиниться, но порция воспоминаний затыкает мне рот.

Истерический женский вопль рвет перепонки. Мельтешит свет, синие спинки складываются, как картонки, выворачивая наизнанку железное нутро маршрутки, и один из прутьев стремительно летит в меня.

Тяну одеяло и закусываю край. Кричу сквозь зубы. Горячая боль течет по венам и обволакивает мир молоком тумана.

– Лиза! – зовет врач.

Девушка почти сразу появляется в дверном проеме.

– Я тут.

– Давай, поставь ей капельницу, и пока не отходи. Проследи, чтобы уснула.

Спазм отпускает, и я, съезжая по подушке, заваливаюсь набок. Тело ватное и напоминает куклу-тильду, у которой не гнутся ноги и руки.

Не замечаю, как доктор покидает палату. Не чувствую, как пробивается кожа иглой, вижу только Лизину черную макушку и блеск остряя в ее руках. Чувствую жар. Он льется из головы до груди, затем магмой устремляется к рукам, мчится по телу и застывает на кончиках пальцев ног.

Слышу шорох, крик над правым ухом, скрежет металла, скрип тормозов. Хлесткий удар под ребро, и меня вырубает.

Затем свет внезапно вспыхивает и тут же гаснет – кто-то балуется выключателем, клацает туда-сюда, нестерпимо мучая мои глаза.

– Не надо! – умоляю.

– Поспи...

Прихожу в себя от острого запаха медикаментов. Кажется, я отключилась на пару секунд. Девушка все еще готовит капельницу.

– Доброе утро, дорогая, – медсестра прокалывает кожу.

Но я не чувствую боли, ничего не чувствую. Только вижу.

Комната освещена иначе: солнечные лучи ложатся на пол под другим углом.

Утро? Уже утро?

Когда девушка склоняется надо мной, я понимаю, что это не та, черноволосая, а другая медсестра. Конопатый нос и серые глазища, а еще – светлые кудри выглядывают из-под колпака.

– Это витамины, – бормочет новенькая.

Я молчу. Мне все равно, что это. Просто хочется спать без снов и просыпаться без воспоминаний.

Брожу вялым взглядом по каморке.

Немного прибрали: повесили более чистые шторки, хлам в углу заменили на стулья и накрененный комод. Задерживаю взгляд на тумбочке: фрукты, вода в стакане и маленькая карточка.

Тянусь и хватаю не сгибающимися пальцами. Вижу лицо пожилого мужчины с глазами цвета пожухлой травы. Я точно его где-то видела. Воспоминание крутится в голове, но никак не раскрывается, будто подвисший браузер, когда отключили интернет.

– Тебе тут принесли поесть из столовой, – девушка показывает кивком на кулек. Цепляет рукой занавеску. Луч солнца разрезает крашеный пол на темно-бордовый и розовый сектора. Напоминает паркет в нашем зале для танцев.

– А вещи мои не вернули? Рюкзак. Телефон. Родным сообщили?

– Следователь обещал зайти после обеда. Вещи, скорее всего, у него, – вторую часть вопроса она, почему-то, опускает.

– Но что там расследовать? Разве это не рядовая авария, в которую попадают тысячи людей в мире каждый день?

Девушка пожимает плечами и бесцеремонно присаживается на кровать. Заглядывает на фото в моей руке.

– Папа?

– Нет. Не знаю.

– Ясно. А то думала родной кто-то. Когда пришла утром, ты это фото к груди прижимала. Ну, я и отложила, чтобы не помялось. Решила, что это для тебя важно.

Вдруг вспоминаю наш разговор со следователем. Тянусь к тумбочке, сцепив зубы от неприятной боли в груди, вываливаю оттуда запасную ночную сорочку, мыло, щетку, полотенце.

– А мой паспорт где?

– Не знаю. Может, Зуев взял? Слышала твой муж тоже был в маршрутке! – восклицает коротышка и хлопает в ладоши. Ее конопатый нос нелепо подергивается.

Мотаю головой. Объяснять, что не замужем нет желания.

– Не волнуйся – он выжил, – заговорщицки шепчет девушка, чуть склоняясь ко мне. – Бенедикт Егорович вчера десять часов на операции был. Говорят, что с того света твоего благоверного вытащил.

Задерживаю дыхание. Начинаю дышать, когда девушка смущенно закусывает губу и мяմлит:

– Прости, я жуткая болтуха.

От нее пахнет сладкими духами и шоколадными конфетами. Я рассматриваю ее пухлые пальцы в веснушках, которые бередят покрывало.

Муж? Какой еще муж? Хочу возмутиться, но есть ли смысл отрицать? Это нелепая путаница. Перед глазами встает тот самый штамп с размытыми краями и от руки написанным именем.

Марк. Вольный.

– Дыши, – медсестра хлопает меня по плечу, и я набираю, наконец, побольше воздуха. – Будешь нервничать – мне придется успокоительное вколоть, а от него ты будешь, как сонная муха, – она мило улыбается. Замечаю тонкий шрам возле губы и ущербленные зубы.

Вдох-выдох.

– Вот так. Кстати, сегодня с тобой психотерапевт будет говорить. Вера Васильевна – классный специалист, она поможет справиться со стрессом.

А мне уже страшно, что снова в моей голове будут копаться. Я просто хочу домой!

– А когда меня отпустят?

– Как только станет лучше, – снова улыбка, показывающая щербинки. – Ладно пойду. Я там, – девушка показывает направление.

– В коридоре, – добавляю с сарказмом.

– Точно! Сама в туалет уже вставай, утку я убрала. Ты же ходячая, так что – сделай над собой усилие и пройдись немножко, а то пролежни заработаешь на свои красивые ножки. Ужин в восемнадцать принесут в палату.

Смухаюсь и киваю.

– Вот и чудно. Я – Марина, – бросает она и уходит. Еще долго слышу ее сладкий шлейф. Что дальше?

Произошла какая-то ошибка. Меня либо путают с другим человеком, либо кто-то жестоко решил пошутить.

Глава 4. Кто я?

Откидываю одеяло, встаю, справляюсь с головокружением. Роюсь внутри тумбочки: нахожу трикотажные спортивки и футболку. Быстро переодеваюсь. Пару раз останавливаюсь и вцепляюсь пальцами в край кровати, чтобы приглушить тошноту и не упасть. Делаю несколько глотков воды: нормальной воды, не горькой.

Из коридора доносятся голоса.

Я осторожно высовываю голову из палаты.

У соседней двери – люди. Женщина плачет: горько и протяжно. Другие обнимают ее и утешают. Стараюсь не думать о трагедии: мне своего горя хватает. Я не каменная, нет, вру, когда говорю, что мне все равно.

Почему мама с папой до сих пор не навестили меня? Где же Артем?

Бреду по коридору, держась за стену. Холодная краска местами вздулась буграми и больно колет ладони.

По интуиции нахожу туалет. Как назло, внутри ни одного зеркала. Укладываю пальцами и водой спутанные волосы: сплетаю их в косу на одну сторону. Она быстро расплется, я знаю, но сейчас патлы жутко мешают. Свернуть бы их в гульку, да потуже, но нужен рюкзак – там булавки.

Хочется зарычать. По всему телу чувство, будто я провалялась полночи в грязи, и запах не лучше. Хочу в душ! Хочу домой. Сейчас зареву от истерики, но слез нет. Сухая горечь застывает в горле. Прополаскиваю водой, но никакого облегчения – стойкий вкус полыни расплывается по деснам, катается по языку и льется в желудок.

Меня рвет желтой жижей. Опускаюсь на пол от слабости в ногах, капли воды с кисточки косы стекают на плечи, и меня трусит, как от озноба.

Мама, Артем, где вы? Сейчас так нужна ваша поддержка.

Отпускает. Тошнота уходит, и в голову врываются осознанные мысли. Просто нужно пару дней переждать. Скорее всего, не успели им сообщить – ведь не до меня было. Целый взвод погибших. Будто мы на войне. Моея личной и такой необратимой.

Возвращаюсь. Марина выходит из другой палаты и машет рукой. Иду к ней, немного шатаюсь.

– Айда, я тебе покажу что-то, – она хватает меня за локоть и тянет в боковое крыло.

Мое сердце пропускает удар перед табличкой «Реанимационное отделение».

Отступаю назад, пытаясь освободиться.

– Не бойся, все нормально, – успокаивает медсестра. – Смелей.

– Я не хочу, – бормочу, но все же делаю шаг. Нога зависает в воздухе.

– Один глазком, – Марина дергивает мою руку, а затем ловко ныряет за спину и осторожно толкает вперед.

Из светлого коридора попадаю в полумрак. Долго фокусирую зрение.

Мерное гудение и спокойное тиканье аппаратов. По центру палаты – кровать. На ней человек, я не вижу какой он с этого расстояния. Лоб перевинтован, кожа на лице – сплошной синяк, нос разбит, на нем пластыри. Пячусь назад, но Марина не пускает.

– Мне это не нужно, – умоляюще шепчу.

– Иди, говорю. Это поможет выбраться из стресса. Дурочка! – последнее девушки бросает так резко, что я послушно ступаю дальше: шаг, и еще один. Словно по горящим углям.

Теперь меня мучает любопытство. Кто он? Почему он? Почему я? Каждый метр, как приближение к пропасти: волнительно и страшно. Будто, если я подойду слишком близко, назад дороги уже не будет.

Первое что вижу – его ресницы. Длинные, но местами оборванные, опаленные. Густые брови, тоже пострадавшие и свалянные. От гематом щеки и скулы обвисшие и красно-синего цвета. Смолястые волосы венчиками торчат из-под бинтов на лбу, они длинные, часть лежит на подушке, другая касается рельефного плеча, тоже иссеченного порезами и приукрашенного ранами и синяками.

Руки мужчины лежат вдоль тела. Бегу взглядом от его шеи до сгиба локтя, перескакиваю трубку капельницы, устремляюсь к предплечью, кисти и пальцам: крупные кости, выраженные вены, на безымянном – кольцо. Смотрю на свою руку – тоже кольцо. И как я не заметила сразу? Не могу вспомнить, было ли оно вчера.

Осторожно касаюсь золотистого металла на правой руке и от беспомощности выдыхаю горячий воздух, скопившийся в легких. Меня трясет, как контуженную. Под кольцом – белая полоска незагоревшей кожи. Не может быть! Это игры памяти? Пытаюсь снять «оковы», но сбитая припухшая косточка не пускает.

Склоняюсь над мужчиной и внимательно осматриваю его кисть. Прикладываю рядом свою. Кольца похожи, цвет и стиль совпадают. Но это еще ничего не доказывает!

Обращаюсь. Марина ждет у выхода, строго глядит на меня и кивает на больного.

– Давай! Ну??

Не понимаю, что она хочет. Мое лицо перекашивает от непринятия настоящего, от этого больно тянет порез на щеке. И, впервые за утро, простреливает под грудью.

– Поцелуй его, – подсказывает медсестра.

Я непроизвольно прыскаю смешком. Еще чего! Но застываю взглядом на губах Марка, изрезанных и вспухших. Сейчас трудно сказать какой они формы, цвета, но, у меня возникает нелепое ощущение неги и желания коснуться их. Вот это уже слишком!

Случайно задеваю его руку: прохладную и гладкую. Прикладываю уже смелее свою ладонь так, чтобы сравнить кольца. От неудобной позы стреляет в ребрах. Перевожу дыхание и приседаю рядом. Вцепляюсь в его пальцы грубо и, словно в лупу, разглядываю оба украшения. Сквозь кожу чувствую его тепло, и меня бросает в дрожь.

На кольцах очень мелко выбиты буквы, слишком крошечные, чтобы прочитать. Холодеет сердце. Я обманута своим же сознанием. Значит, правда, все-таки? Или нет?

Рука Марка чуть вздрагивает и тут же сжимается. Мужчина хрипит, губы приоткрываются, и он что-то говорит, но я не могу разобрать и слова.

Резко отпускаю его и отступаю.

– Пора, – вдруг оживляется Марина. Слышу за спиной скрип двери.

Аппарат тикает и тикает: действует на нервы. Кажется, пиканье участилось. Рука Марка собирается в кулак, и трубки от капельницы натягиваются.

– Е... у... о....и...

Долетает мычание.

Марина вытягивает меня из палаты.

Я иду покорно и стараюсь дышать не часто, чтобы не упасть от головокружения. Тошнота уже привычно поднимается по пищеводу, и я едва переставляю ноги.

В каморке позволяю себе прилепиться к стене и съехать на пол, не обращая внимание на боль под грудью. Марина тщетно пытается поднять и потащить меня на кровать. Я не кричу: просто смотрю на кроваво-красный настил и понимаю, что все теперь не так, как раньше. Все чуждое и ненастоящее.

Кто я? Вика.

Ты уверена?

Внезапно в палату заходит Бенедикт Егорович.

– Ну, что? Готова к осмотру? О, а что это мы разлеглись? Мариночка, давай, неси капельницу.

Приподнимаю голову, и умоляюще смотрю на девушку. Она всем видом показывает: «Я же говорила».

– Не нужно. Просто голова закружилась, – оправдываюсь я хриплым голосом и осторожно встаю. Шатает. Медсестра помогает добраться до кровати, затем быстро уходит. Уже у двери замечаю ее улыбку и подмигивание. Благодарно киваю.

– Как спалось? – доктор Бенедикт подтягивает стул и усаживается. Неприятный скрип режет по ушам. – Что за старье? – возмущается он, а я, пользуясь его промедлением, думаю, как правильно ответить.

– Без сновидений.

– Хм, неплохо для начала. Есть новость.

Меня коробит от его слов, но я стараюсь это скрыть.

– А когда меня выпишут? – решаю перевести тему.

– Погоди ты, – отрезает доктор и прикусывает шариковую ручку. Она уже прилично изжеванная, видимо, у доктора застарелая привычка, а мама, наверняка, говорила, что так делать некрасиво. Хочется истерически засмеяться, но я сдерживаюсь.

Рассматриваю Бенедикта Егоровича, пока он молчит и думает. Сегодня вид получше: на его лице совсем нет красных пятен, и от мужчины пахнет свежестью.

– Вика, твой муж пришел в себя. Хочешь увидеться с ним?

Чувствую, как по спине ползет холодная рептилия страха. Это все игры памяти. Я должна вспомнить, ведь не бывает таких совпадений.

Автоматом киваю, потому что не знаю, что сказать.

– Марк – твой муж. Помнишь?

Хочу замотать головой «нет», но снова киваю. Я не хочу в «дурку», не хочу, чтобы в моей душе ковырялись и, что еще хуже, пичкали меня антидепрессантами и подобной гадостью. Я хочу выбраться из больницы, а потом уже разбираться, где, кто и что напутал.

Бенедикт Егорович удовлетворенно выдыхает.

Несколько минут он прощупывает мои ребра, слушает стетоскопом. Когда опускается к груди, подозрительно стреляет змеиным взглядом. Только сейчас подмечаю какие у него золотистые и узкие глаза. Густые брови сходятся на переносице.

– Точно все в порядке, Вика?

Сжимаю губы, криво улыбаясь. Короткое «да».

– Отлично! Вот сейчас и убедимся, – он набрасывает стетоскоп на шею, встает и зовет за собой.

Снова странный холод забирается под футболку и неприятно щекочет щупальцами душу.

Глава 5. На краю иллюзии

Один, два, три... шага, а дальше все смазывается, словно я задела банку с краской и испортила холст с многолетней работой. Сердце стучит вне ритма, пульс врывается в висок и бьет до одурения, до тошноты.

Бенедикт Егорович ведет меня к мужу. А мне кажется, что я иду на расстрел.

Что я должна сказать? Как себя вести? Скажу, что не помню: и меня будут мучить анализами и лекарствами, притвориться – тоже не выход – заметят.

В коридоре сталкиваюсь взглядом с Мариной. Ее лицо усеяно конопушками, что сейчас при свете дня, почти как крошки корицы на белом хлебе. Она улыбается и подмигивает, что-то показывает рукой. Идем дальше. Я оборачиваюсь, чтобы рассмотреть получше. Девушка прикладывает палец к губам: «Молчи».

Попадаю в полумрак. Пока глаза привыкают мне хватает времени, чтобы выровнять дыхание.

– Вика, проходи, – доктор тянет меня за руку. Его пальцы шероховатые и холодные, отчего меня бросает в дрожь. Осторожно отстраняюсь.

Иду одеревеневшими ногами. Спотыкаюсь на ровном месте и чуть не растягиваюсь по полу. Зуев успевает подхватить. Я благодарно улыбаюсь, а затем поворачиваю голову...

И, кажется, время заклинивает, словно встала заржавевшая шестеренка в часах.

Застываю, глядя на Марка, и он неотрывно смотрит на меня. Во взгляде ловлю нежность и радость. Редкие, оборванные ресницы трепещут, словно крылья колибри.

В уголках его глаз собираются слезы. Они катятся по щекам, падают на шею и исчезают под воротником. Я тоже плачу. Не знаю почему.

Его лоб размотали. Лицо напоминает расплющенный пирожок: швы, царапины, да и отечность такая, что едва просматриваются черты лица. А вот глаза... Нет, я не узнала. Они такие глубокие... кажется, что глянул раз и захлебнулся. Такие глаза я бы запомнила навсегда. Если там, в закромах памяти, когда-то что-то и было – сейчас оно, словно нарочно, сводило с ума безмолвием.

Марк тянет руку.

Подхожу и касаюсь его теплых разбитых пальцев. Мне жалко его: по-человечески жалко. Но я не чувствую привязанности или чувств, даже симпатии. Я его не знаю.

Это жестоко. Хочу вырвать пальцы и убежать, но он сжимает руку так сильно, что я невольно присаживаюсь рядом.

На вид Марк взрослый: лет тридцать пять, тридцать восемь. У него широкие скулы и крупная шея. Опускаю взгляд ниже: по силуэту под одеялом вижу внушительную грудную клетку. Снова скользжу взглядом по его руке: бицепс, трицепс, что там еще – настоящий качок. Таких не берут в... балет. Щупаю его пальцы. Они словно из металла: цепкие и жилистые.

Марк поднимает вторую руку, и я машинально склоняюсь, чтобы позволить достать. Он касается моего лица, проводит пальцами по заклеенным порезам. Щекотно и больно. Я шикаю, а он замирает рукой на моей щеке и долго смотрит в глаза, не моргая. От его взгляда становится душно, словно я насекомое запертое в банке.

– Вика... – шепчет, так ласково протягивает «а», что у меня ноги подгибаются.

Мы чужие, незнакомые люди, а он смотрит и смотрит, и слезы счастья катятся по его щекам. Я начинаю верить в эту искренность, в него, в нас, в то, что могло быть «до».

Не сдерживаюсь. Закрываю глаза и реву. Муж вытирает мои слезы, царапая пальцами кожу.

Я прихожу в себя. Длинно выдыхаю, сдерживая волнение. Мне не по себе от этого фарса.

Бенедикт Егорович стоит в стороне. Бросаю на него взгляд: кажется, в темноте его глаза светятся. Ох, мне нужен отдых.

– Крылова, достаточно. Пойдем, – доктор зовет к выходу, но его взгляд все еще кажется странным. Может это из-за слез, которые застилают мир пеленой?

Марк отпускает меня. Пряча глаза, отхожу к дверям. Мужчина все еще тянется рукой, мычит что-то, и мне становится смешно, словно я попала в немое цветное кино с плохими актерами. Сжимаю губы и забиваю глубоко-глубоко желание расхохотаться.

Зуев хлопает одобрительно по плечу и выводит меня в коридор. Слышиу вдогонку свое имя: протяжное, наполненное горечью и тоской.

– Завтра уже сможете нормально поговорить, а сейчас вернись в палату. Попозже Марина отведет тебя к Вере Васильевне.

Остаюсь одна в комнате и меня разрывает смех. Хохочу, а затем заваливаюсь на кровать и безудержно рыдаю.

Что-то не так с моей жизнью. Все по-другому. Не мое: чужое все и далекое, словно я провалилась в параллельный мир. Но ведь это же сказки?

Приоткрывается дверь.

– Вика, что-то случилось? – слышу Маринин голос. Он слегка надломан, с характерной хрипотцой. Но я не отвечаю ей, слишком занята слезным порывом.

Тапочки шуршат по полу, она подходит ближе. Я вдруг вспоминаю о самом важном. Вскidyваю голову:

– Моим родным позвонили? И где мои вещи? Мне нужен телефон!

– Если помнишь номер, могу дать свой мобильник. А вот, сообщали ли твоим родным, я не знаю. Вчера на дежурстве Лиза была. Но вряд ли она успела. Тут же тако-о-е творилось.

Шмыгаю носом и растираю слезы по лицу, больно зацепляю пластырь на щеке.

– Ой, погоди! – Марина пропадает за дверями и через минуту возвращается. В руках баночки, коробочка и телефон.

Я сажусь на кровать и складываю ноги по-турецки. И чего это меня пореветь потянуло? Стряхиваю наваждение, гоню прочь слабость. Чтобы выбраться отсюда надо показать, что я быстро поправляюсь. Щупаю место, где перемотаны ребра. Болит еще. Дышать не мешает, но все равно – будто камень в груди.

Медсестра присаживается рядом, аккуратно снимает пластыри с моего лица и обрабатывает раны. От нее несет приторным ванилином или шоколадом. Я непроизвольно шиплю через зубы, когда рану щипает от спирта. Марина легонько дует. Дыхание у нее не сладкое, видимо, это духи так пахнут.

– Спасибо, – шепчу я.

– Пластыри не нужны, раны стянулись уже. Если будешь вести себя смирно, на воздухе они заживут быстрее и не разойдутся. Это всего лишь царапины. Вот здесь, – показывает на лоб, – парочка швов, а так – везунчик ты. Мужа жалко, но радуйся, что вообще выжил. Или ты не рада? По тебе не скажешь, что…

– Счастлива, – дерзко испускаю я и боюсь, что переборщила с сарказмом. – Конечно, я рада, – поправляюсь голосом помягче.

– Ничего, Вера Васильевна поможет со стрессом справиться. Организм у тебя крепкий – быстро восстановилась. Теперь, главное, психологически удержись и будешь через неделю в строю.

Даже мама всегда говорила, что на мне, как на собаке все срастается, и почти не оставляет следов. Я росла очень активным ребенком, но повезло выйти из детского возраста без единого рубца на лице. Хотя нос разбивала неоднократно. Да, везунчик я, ничего не скажешь.

Усмехнулась. Только вот новая горечь подступила к горлу: смогу ли танцевать со шрамами на лице? Разве что в массовке.

– Марин, у тебя есть зеркало? Я не нашла нигде, даже в туалете нету.

– Зуев, после одного случая, убрал все зеркала в отделении. Еще года три назад. Девушка после аварии увидела свое отражение и разбитым стеклом порезала себе вены. Дурочка! Да и еще ночью. Повезло, что медсестре в туалет приспичило. А так бы тихо истекла кровью до утра. Ты, я надеюсь, ничего такого не вытворишь? – медсестра, подмигнув, протянула мне телефон с включенной фронтальной камерой.

Да, выгляжу чудно. Не скажу, что слишком уж плохо, но от увиденного хотелось смеяться и плакать.

На щеке длинный шрам в десятки швов, почти до самого уха. Ничего себе царапина! Может не глубокая рана? Правой брови можно сказать нет, там порез в три шва. Глаз заплыл кровью. Тут вспомнился фильм про терминатора. А волосы... ох, кажется придется обрезать мою некогда пышную шевелюру. Часть свалилась, скорее всего, от огня, остальные спутались и скомкались. Теперь от медного цвета остался только оттенок, волосы больше напоминали накинутую на голову грязную бурую тряпку.

– Держи, – Марина тычет в меня расческой.

Какая хорошая девушка, надо будет подружится с ней. Я выхваливаю орудие и, распутав косу, принимаюсь неистово шматать слипшиеся пейсы.

– Как они совсем не сгорели? – бормочу недовольно.

Марина хихикает.

– Ты бы все равно смотрелась отлично, даже лысая.

Это комплимент? Приятно. Но я привыкшая. Меня всегда называют красавицей, даже если совсем другое говорят за спиной завистницы. В семье была примером подражания: особенно для двоюродных сестер. Брат вечно хвастался красоткой-сестрой перед друзьями, что мне тоже льстило. Точно! Вот ему и позовоню. Не хочу волновать родителей, пусть лучше он сообщит, что случилось.

Закончив с расчесыванием, снова гляжу в зеркало камеры. Обгоревший край на лбу торчит ежиком, кажется, что неуклюжий парикмахер отчекрыжил лишнего. Марина прыскает:

– Ну, главное, что ты живая. А волосы отрастут.

– Это точно, – соглашаюсь я, заплетая косу, тщетно приглаживая «челку».

Марина достает из кармана халата небольшую резинку и протягивает мне. Мне она однозначно нравится. Я как-то не особо люблю женскую дружбу, но вот сейчас общение и внимание было кстати. А не люблю потому, что знакомые девушки у меня только среди танцовщиц, а они все – конкурентки.

Глава 6. Никто не придет

Телефон упорно гудит. Никто не отвечает. Когда зуммер доходит до минуты, слышится синтетический женский голос: «Номер не существует».

Три, пятнадцать – это я…

Не может быть, чтобы не правильно, я его среди ночи вспомню. Артем все сделал, чтобы я не ошиблась. Улыбаюсь, перебираю заново, может я где-то не то нажала. Эти тачэкраны – настоящее неудобство, особенно если у тебя маникюр.

Осматриваю свои пальцы: какой там маникюр? Оборванные, сломанные, местами сколотые ногти, кутикулы воспаленные – настоящее бедствие.

Три, пятнадцать – это я…

Шесть, ноль, восемь – это ты…

Гудки упираются в перепонки, словно настойчивый звон в пустой квартире, и отдаются вибрацией в затылке. По спине вниз медленно крадется тягучее предчувствие. Я жду. Жду и верю, что он ответит. Но второй, а затем и третий, раз на другом конце линии я слышу тот же ответ: «Номер не существует…»

Смахиваю новых мурашек: встряхиваю плечами. Лихорадочно вспоминаю папин или мамин телефон. Мамин получилось вырыть из головы только частично: последние цифры остались под вопросом. Скриплю зубами. Папин не помню даже близко. Прав был Артем, когда говорил, что в наше время попасть в беду и не дозвониться до родных – элементарно. Ну, вот скажите, кто сейчас помнит телефон близких или друзей? На память. Кто сейчас помнит хоть номер своего мужа?

Эта мысль вызывает бурную реакцию моего тела: ток в пальцах и спазм в груди.

Надо поскорее с этим разобраться. Если я и выйду замуж, то это будет не просто любовь, а что-то запредельное. Так как чувства для меня не столь важны, как карьера танцовщицы. Я наметила на место примы, не меньше. Нужно будет: под нож лягу и сделаю пластическую операцию. Никакие шрамы, а, тем более, ошибочные замужества мне не помешают.

Так вот, о чём я? О номерах и телефонах. Век смартфонов и айподов, соцсетей и вай фай. Зачем что-то запоминать, если всемирная сеть, которая все знает, всегда под рукой?

– Дозвонилась? – спрашивает Марина за спиной. Я от неожиданности вздрагиваю. Протягиваю ей мобильный. Качаю «нет» и оседаю на кровать.

Три, пятнадцать – это я…

Шесть, ноль, восемь – это ты…

И двенадцать – это мы…

– Мне нужен МОЙ телефон.

– Тогда жди следователя, – девушка удаляется, но в дверях вдруг застывает, словно что-то вспомнив. – Пойдем. Я отведу тебя к психологу.

– Обязательно сейчас?

– Ты хочешь выйти отсюда поскорей? Или месяц будешь валяться на грязной постели с трещиной в ребре? Дело твоё, конечно, но я бы не смогла вот здесь долго жить, – она обводит взглядом мою каморку.

А я даже свыклась с ней уже за пару дней, но Марина права – нужно сваливать. Да и в душ хочется невыносимо.

– А что тут, – показываю на себя, – трещина?

– Два перелома. То я так: аллегорично, – девушка, блеснув взглядом, закусывает губу, будто от удовольствия.

– Уговорила, – встаю и иду за ней.

Аккуратно проходим коридор. Больные снуют по своим делам, тихо перешептываясь между собой. В левом крыле разборки второй медсестры и технички: неинтересно.

Наблюдаю за Мариной.

Она двигается плавно, мерно раскачивает пухлыми бедрами. Девушка – кудрявая, маленькие русые завитушки все время выползают из-под головного убора, и она прячет их, запихивая на место. Медсестра прихрамывает, или нога болит или травма. Это почти не заметно, но я хорошо читаю походки, даже очень, и такую в будущем узнала бы с первого раза.

Раз, два, три, четыре... в ритме сальсы сбегаю за Мариной по ступенькам. Ох, зря: простираливаю под лопаткой.

– Ты что? С ума сошла?! – пищит она, открывая передо мной стеклянную дверь.

Я иду вперед, а глаза наливаются слезами. Больше не буду так. Больно! Ну, хватит уже!

Марина бурчит:

– Распрыгдалась тут. Вчера едва с того света вытащили, а теперь вон – скакет, как лошадь.

– Как мотылек, почему сразу, как лошадь? – хрюплю оправдываюсь я, выдавливая смех с привкусом горчицы.

– Да это я так: к слову. Все. Пришли. Назад дорогу сама найдешь. И не прыгай больше!

Усердно киваю.

Марина идет по коридору, а я слышу, как она все еще возмущается: «Не ну, мало того, что отвечаешь за них головой, так и еще, как коняки тут...»

И ее бормотание обрывается скрип двери.

Глава 7. Не сумасшедшая

В кабинете Веры Васильевны прохладно и пахнет еловыми шишками. Мне вспоминается Новый год и мандарины.

Обожаю веселые праздники в кругу семьи, жаль, последнее время собирались нечасто. Мы все выросли. У каждого семьи, работа, съемное жилье. Сестры больше в кругу друзей отмечали, брат обычно уезжал с компаниями в горы – кататься на лыжах, а я, как всегда, или работала, или отходила от предновогодней нагрузки. Попадала к родителям только третьего или четвертого января, и то, как повезет.

Психотерапевт открывает дверь шире. В проходе она смотрится, как волшебница. Свет из окна оттеняет ее статный силуэт, волосы аккуратно подобраны.

– Проходи, Вика, – женщина пропускает меня вперед и показывает на небольшой диванчик.

Хочу сесть достойно, но мягкое сидение проваливается, и я чуть ли не закидываю ноги кверху. Хихикаю. Меня эта больница и путаница суженным-ряженым скоро доведут до истерики. Тело отзывается резким прострелом в ребрах.

– Осторожней, – улыбается доктор и садится напротив за массивный стол с кипой папок на краю.

Ее лицо мне кажется знакомым. Теплые желтые глаза и слегка выгнутые брови. Бросаю взгляд на ее серьги: камушек-гвоздик переливается на солнце и засвечивает глаза, цепочки колышутся от выверенных движений. Она берет ручку, вытягивает листик из стопочки, а затем листает тетрадь, наверное, мою историю болезни.

– Вика, расскажи, как ты себя чувствуешь?

И тут меня начинает трусить. Я осознаю, что наступило время тех самых вопросов.

– Как после аварии, – бормочу и прячу голову поглубже в шею, будто страус в песок. Рассматривать ковер – лучший из вариантов поведения, которые мне сейчас приходят на ум. Я не хочу отвечать, не хочу вспоминать, а еще больше, не хочу говорить о Марке.

– Ко мне заходил следователь… – и Вера Васильевна бьет по самому больному, – он просил провести с тобой беседу о муже.

Неслышино скриплю зубами. Охаю от нового прострела в ребрах. Дышать становится тяжелей, вместо вдоха неприятный булькающий свист.

– Виктория, ты точно в порядке?

– Кажется, – отвечаю с усилием.

– Послушай, все что ты здесь скажешь, будет только между нами. Только если, конечно, ты не убила кого-то, – сквозь улыбку женщины пробивается серьезный настрой. – Лишь тогда я буду вынуждена дать показания. Так как у нас не стандартное посещение, я обязана открывать следствию нужные детали.

Замираю от ее слов. Что она несет? Кого убила? О чем речь? Женщина продолжает:

– То есть врачебная тайна не полностью в твоем распоряжении, но личные темы я не буду выносить из кабинета. Понимаешь меня?

Не понимаю. То есть: я скажу личное, о том, что не помню мужа, и, если это окажется важным для расследования – моя тайна будет раскрыта? Хорошенький расклад. Тетенька, вы, наверное, не в своем уме!

– Вика? – переспрашивает меня психотерапевт и ласково улыбается. И я не верю этой улыбке. Не. Ве. Рю!

– Что? – хочется зарычать, но я смахиваю на дурочку: притворяюсь, что не поняла вопроса.

– Расскажи мне о Марке, – она слегка отклоняется на спинку кресла. Оно скрипит.

Я – букашка в банке. Мне не хватает воздуха.

– Он – хороший, – выговариваю, а сама ищу за что зацепиться взглядом, чтобы не показывать этой мучительнице глаза.

– Ты говоришь как-то не уверено.

– Я не знаю, что еще сказать...

– Ты любишь его?

Незримый удар под дых, который выбивает остатки воздуха. Тут же простреливает от спины до груди, отчего хочется сложиться пополам.

– Вика, ты не можешь уклоняться от вопросов. Ты должна отвечать.

– Наверное, – бормочу, а сама едва ли нахожу силы сделать вдох. Неужели она не видит, как меня ломает?

– Если ты думаешь, что сможешь избежать этого – ты заблуждаешься. У меня история болезни на столе, и я знаю, что у тебя ничего серьезного, так что, не ломай комедию, – Вера Васильевна говорит странно, резко и надменно. Она совсем не похожа на врача, который помогает душам.

Меня бросает в пот. Вытираю пальцами крылья носа. Заношу руку, чтобы просушить лоб, но вспоминаю о порезе и оставляю затею.

– Вика, ты любишь Марка? – настойчивей спрашивает психотерапевт.

Я решаю, что кивка будет достаточно. Так не хочется слышать собственное вранье.

Женщина улыбается:

– Хорошо. Расскажи самое яркое впечатление, связанное с мужем.

Дыхание все еще затруднено, я хрюплю, немного откашливаюсь и понимаю, что мне нечего сказать. Придумать? Но это же выяснится. Это будет потом. Как я хочу домой! Там все станет ясно. Есть родители, которые подтверждают эту путаницу, братья, сестры, друзья... Стопорюсь на последнем. У меня нет друзей: только коллеги, партнеры и конкуренты. Я не подпускаю к себе чужаков. Есть еще он. Но его просить о помощи я не буду.

– Мы ходили в кино, – начинаю я.

Женщина кивает, улыбается одними губами.

– На какое?

– Не помню название, плаксивая романтическая комедия, – в душе я заливаюсь истерическим смехом, даже ресницы подрагивают, но я сдерживаюсь, чтобы не захочатать вслух.

Вера Васильевна шурится. Внимательно смотрит мне в глаза, затем снова кивает. Она ждет, молча. Значит, мне нужно еще что-то говорить. Ладно, сочиняю дальше:

– Мы ели попкорн, пили колу, а потом гуляли по Набережной.

– А почему тебе этот день запомнился?

– Марк сделал мне предложение, – тихо говорю я, и сама сжимаюсь от этой лжи. Доктор, видимо, воспринимает это, как смущение. Она уводит взгляд и быстро что-то пишет в тетрадь.

– Вика, сейчас будет трудный вопрос.

Я нервно слегка сглатываю. Наверняка, спросит о личной жизни или что-то подобное. Что тут трудного? Если первая ложь прошла, пройдет и вторая.

– Давайте, – уже бодрее отвечаю я.

Ребра, не переставая, ноют. Малейшее движение и меня пронизывает невидимой стрелой боли. Что-то я нарушила, когда прыгнула на лестнице. Вот дура! Не хватает еще самой же затянуть выздоровление.

– Куда вы ехали, перед тем как случилась авария?

Задерживаю дыхание.

Кто-то кричит над ухом, чья-то рука скользит по лицу и разрезает мою щеку кольцом. Я падаю. Сверху сыплются сумки, пакеты, ошметки разноцветных тканей, пропитанных кровью, обломки синих сидений. Один из них врезается в ребро, и я затихаю.

– Тяжелые воспоминания, но придется, – мягко говорит Вера Васильевна.
Смотрю на нее стеклянными глазами и чувствую, как по щеке катятся слезы.
– Разве это поможет тем, кто погиб? – зло выдавливаю я.
– Поможет разобраться в причинах.
– Каких причинах? Я при чем?! – вскрикиваю, и тут же забиваюсь в угол дивана от ее гневного взгляда.
– Может и не при чем, но ответить нужно.
– Кому?
– Тебе, прежде всего, – уже ласковей отвечает она.
Щупаю рукой обсохшие губы. Жутко хочется пить.
Женщина встает и бесшумной походкой подходит ближе. Садится рядом, прикладывая руку мне на плечо.
Я чуть отстраняюсь: не люблю прикосновения чужих людей.
– Ты рада, что Марк выжил?
Меня это задевает. Я максимально отодвигаюсь.
– Что вы говорите? Конечно!
И здесь меня скручивает от ослепительной боли. Я сжимаю беспомощно живот, но это не помогает. Из глотки вырывается стон.
– Вика? – Вера Васильевна склоняется и смотрит на меня. Свет больно режет сетчатку.
Женщина отодвигает мою руку, и я вижу, как яркое алое пятно расплывается по футболке.

Глава 8. Кто ты?

В каморке полумрак. Приоткрываю тяжелые веки и вижу обеспокоенное лицо Марины, а поодаль – Бенедикта Егоровича. Они говорят приглушенно, почти шепотом. Я не могу разобрать смысл.

– Давай, и начнем...

– Хорошо, – отвечает девушка и прокалывает мне кожу на внутренней стороне локтя, после чего я медленно упливаю в морок сна.

С глубоким вдохом выскакиваю из объятий Морфея. Будоражит назойливое ощущение, будто на меня смотрят.

Не моя палата – совсем другая. Широкая и чистая. Отмечаю красивый узор на паркете и персиковые шторы с ламбрекенами. Освещение в комнате от небольшого бра на противоположной стене.

– Вика... – кто-то шепчет в стороне. Нервно вздрагиваю и поворачиваю голову.

На меня смотрит синеглазый черноволосый мужчина. Ковыряюсь в памяти кто это может быть, и меня, словно кнутом, встегивает воспоминание – Марк.

Он какой-то другой, не такой как тот. Совсем другой, будто обновленный.

Сколько я пролежала в отключке? Почему нахожусь здесь?

Кровати стоят рядом. Нас разделяет провал шириной в локоть. Лицо мужа сухопарое и светлое: никаких бинтов и пластырей, ни одной гематомы. Несколько ссадин и царапин на подбородке и три скобы возле нижней губы.

– Сможешь подойти? – шепчет он. Голос кажется немного охрипшим.

Я замираю. Натягиваю повыше одеяло. По ощущениям я в тонкой ночной сорочке, считай, почти голая. Что я здесь делаю?! Где моя норка?

Марк ждет.

В больнице тишина. Закрытые шторы и светильник говорят о том, что сейчас либо поздний вечер, либо ночь.

– Медная моя, иди ко мне, – настаивает мужчина.

От его слов сковывает сильней. Надо отсюда как-то выбраться, и желательно – без шума.

Я не смотрю ему в глаза. Вцепившись онемевшими пальцами в края одеяла, направляюсь к двери. Посередине комнаты запутываюсь в ткани.

– Вика? Что случилось? Куда ты? – бормочет Марк вслед.

Не буду отвечать. Не буду!

Скрипит кровать: Марк приподнимается. Слышу его шумное дыхание.

Дверь распахивается, и вперед выступает Лиза.

– О, рыжая проснулась! – она сгребает меня своими лапищами и разворачивает назад. Я чуть ли не волочусь по полу. – Тебе что, приспичило?

Киваю, еще киваю и еще, чтобы понятней было. Это невозможно! Поселили меня с чужим мужиком! Как я должна на это реагировать?

– У вас тут все удобства в палате. В коридор можно не бегать, – девушка выталкивает меня в середину комнаты.

– Я не могу здесь лежать!

– Почему это? – удивляется медсестра. Ее длинные ресницы пляшут, как веера.

– Не могу, – выдавливаю, понимая, что если скажу, что не помню – полечу сразу в отделение совсем по другому адресу. Что мне стоит помолчать?

Оборачиваюсь и смотрю на Марка: он следит за мной приторным взглядом, таким ласковым и нежным... аж тошно. Другая мечтала бы об этом, а я горю. Не хочу! Верните мою жизнь!

– Здесь матрац жесткий. Я не могу спать, ребра ломит, – мелю все подряд. – Можно мне назад, в ту палату?

– Двинулась? Это подсобка была, – Лиза скидывает с меня одеяло и толкает в сторону душевой. Я прикрываюсь руками: ночнушка слишком прозрачная.

Марк, глаза его синие, вылупился и смотрит, как зачарованный.

– Давай бегом, пока я добрая, – смеется медсестра. – Когда выйдешь, поможешь мужу. Я думаю, что вы тут сами разберетесь. Все, спокойных вам снов, счастливчики, и не буйьте! – она грозит пальцем и, кокетливо виляя задом, исчезает за дверью.

Я застываю. Марк довольно улыбается и манит рукой.

– Вика, ну, что ты как не своя? Иди ко мне!

Отступаю машинально.

– Я…

– Ну, хватит! Я знаю, что ты в шоке, но уже все хорошо. Иди сюда, медная, – он тяжело приподнимается и скидывает ноги с кровати. Он же после операции!

– Как-то быстро ты оправился, – бормочу, отступая. Спина упирается в холодную стену.

Марк едва заметно стреляет взглядом. Затем выдыхает и, все же, встает.

– Да ничего серьезного. Пару ребер сложили и зашили порез на плече.

Только сейчас замечаю похожую перемотку, как у меня, под его футболкой. Она слегка выпирает через трикотаж, бинты захватывают большую часть левого плеча.

Задерживаю дыхание. Он чужой мужчина. Я его не знаю, знать не хочу, и не желаю, чтобы он подходил.

– Вик, что с тобой не так? Ты, словно, сама не своя, – Марк добирается до меня короткими шагами и уже протягивает руку, чтобы коснуться лица, но я подныриваю и отскакиваю в сторону. – Вика?! – мужчина вскидывает руки от возмущения.

– Я не могу, – бормочу и пячуясь по стенке, пока не натыкаюсь головой в лампочку.

– Да что не так?! – удивляется он. Его обгорелые брови сходятся на переносице.

– Марина сказала, что тебя по кусочкам собирали. Вчера с операции, а сегодня уже на ногах?

– Медсестра, что ли? Та они тут те еще сплетницы. Что ты, как маленькая? Иди сюда, говорю! Не заставляй за тобой бегать по палате, у меня так швы разойдутся. Точно, как твои, глупая, – Марк ступает еще ближе, и мне уже некуда уходить. Только в коридор.

Вблизи у «мужа» пронзительные глаза. Они мне нравятся, но я его боюсь. Какое-то странное чувство, выплывающее из глубины подсознания. Это не объяснить.

Глава 9. Чужак

Задерживаю дыхание. Мне нужно что-то придумать, чтобы не выдать себя. А сердце колотится так, что я уже ничего не соображаю. Притвориться, что мне плохо? И опять уколы? Не пойдет.

Марк ступает тяжело. Босые ноги касаются моих холодных пальцев, и я уже не могу двигаться с места. Он нависает надо мной – я врастаю в пол. Вот пристал! Что он хочет?

– Дорогой, – начинаю я, а от напускной фальши начинает мутить. – Мне нужно…

– Что?

– Ну… – киваю в сторону душа.

– Поцелуй быстро мужа иди купайся, а то приходится за тобой бегать чуть не по всей больнице. Мне это напомнило наше первое свидание, – Марк внезапно оказывается слишком близко. Я слышу его сердцебиение и тонкий терпкий запах. Он блаженно лыбится.

Сглатываю. Я не помню, не помню, ни хрена, не помню! Это бесит. И чужой мужик тянется меня поцеловать. Кричать? Капец! Это тупик. И почему я не сказала, что потеряла память? Может все же было бы легче?

Теплые руки обнимают мои щеки. Марк проводит пальцем по обгорелой брови: невесомо, нежно, но меня ломает от этих прикосновений. Это почти тоже самое, что лечь в постель с первым встречным. Невероятно!

– Милая, ты как загнанная лань. Что-то не так? Дрожишь. Ты что боишься меня? – Марк прищуривается и долго осматривает мое лицо.

Я слышу собственное хриплое дыхание и не чувствую ног. Замечаю блики в его зрачках, небесно-голубые кристаллики покрываются тонкой поволокой инея. Закрученные местами редкие ресницы дрожат.

Мужчина придавливает меня к стене. Чувствую его силу и мощь. Что же будет, когда он выздоровеет?

– Ма… – но он затыкает мне рот поцелуем. Сначала проникает настойчиво, жгуче, до боли, а затем чуть замедляется и словно ждет ответной ласки. А фиг! Сжимаю губы до предела. Дерзкая рука соскальзывает на мою шею и движется вниз. Ну, уж нет! Кусаю его.

– Вика!

Я делаю виноватое лицо и, пока он не опомнился, убегаю в душ. Чувствую, как сперто дыхание, и под ребром все так же мешается камень.

– Прости… – хочется сказать «те», но я вовремя останавливаюсь, – я случайно! – кричу из кабинки.

Долго стою неподвижно, прислушиваясь к шороху в комнате. Тихо. Блин! У него и так на губе швы. Жалею его? А вдруг он и в самом деле мой муж? Как это? То есть то, что я помню свою жизнь по минутам, особенно последние пару лет, не считается? Ладно бы вышибло совсем, но ведь помню же кто я, что делала и как жила. И, тем более, с кем! Я все помню!

Пальцы замирают на завязках рубашки. Нужно выбрать правильное поведение. Возможно, так меня побыстрее выпишут. Интересно, приходил ли следователь? Может, он принес вещи? Долго я не выдержу в одной комнате с незнакомым мужчиной. Или придется признаться, или ждать, пока выпишут, ну, или сбежать…

Прыскаю от нелепой мысли. Стягиваю тонкую очнушку и включаю воду.

Стараюсь не мочить швы. Выглядят они совсем не страшно: две тонкие линии от солнечного сплетения до правой подмышки. Бинтов нет. Немного припухшие в местах склепок.

Меня подкашивает странное ощущение неправильности, словно вся эта больница – затянувшийся нелепый сон.

Склоняю голову и мою волосы, долго наслаждаясь каждой чистой каплей. Шампунь, на удивление, пахнет приятно и свежо. Хорошо хоть не хозяйственное мыло положили. И в конце купания понимаю, что не хочу выходить. Так и стою с включенным краном, размышляя, как действовать дальше с этим приставучим лже-мужем.

Дверь кабинки распахивается. Я успеваю только ахнуть и отстраниться чуть в сторону. Марк протягивает мне полотенце и подает руку, странно ухмыляясь. Не нравится мне это.

Хватаю сорочку с крючка, нелепо прикрывшись нею.

Мужчина многозначительно смотрит на мою грудь. Опускает взгляд, скользя наглым взором по взмокшей коже, затем снова трясет передо мной полотенцем.

– Ты очаровательна, но я уже хочу спать. Освободи кабинку?

– О! Да, конечно! – я мигом заворачиваюсь в махровую ткань и выползаю наружу. Только сейчас замечаю, что Марк разделся и стоит передо мной в чем мать родила. И чувствуя прилив тепла к щекам, резко отворачиваюсь и направляюсь к кровати.

– Тебе придется помочь, – говорит Марк, будто нарочно таким ровным тоном, что охота его треснуть.

Я закатываю глаза. Как все это надоело! Смирно иду назад. Ну, это же помощь! Не могу же я быть последней свиньей?

Снова эта ухмылочка на его лице и блеск на радужках. Всматриваюсь. Ну, не бывает такого цвета глаз. Чувствую, как на плечах высыхает вода и меня бросает в дрожь. Или это от страха? Почему мне кажется, что вся эта путаница чья-то игра?

Марк поворачивается спиной и протягивает намыленную мочалку. Вожу нею по его широкой спине, стараясь не цепляться взглядом за обнаженные ягодицы.

Аккуратно мою его, обхожу несколько ран под лопаткой.

Ничего себе мышечный корсет! Откашиваюсь, а Марк тихо смеется. Будто бы понимает, что я вижу его впервые. Он оборачивается. Отмечаю его греческий нос и чуть вздернутый подбородок.

– Спасибо, – проговаривает мужчина, а я застываю, глядя в его странные до ужаса глаза.

Из окаменения меня выводит небрежное прикосновение: Марк скользит влажной рукой по шее вверх и подцепляет слегка мою косичку.

– Я не смог бы жить без тебя… – выдыхает мужчина и намеревается вытянуть голову из душевой, чтобы снова поцеловать, но я резко отстраняюсь. Я не знаю, что ответить. Нелепо улыбаюсь и юркаю в кровать.

Долго не могу уснуть. Слышу, как «муж» выходит из душа, шаркая подошвами тапок. Останавливается около кровати. Гладит меня по голове, перебирая мокрые локоны. Я притворяюсь, что сплю: еще один поцелуй не выдержу. Боюсь, что в ход пойдут кулаки и колени. Не хочется поднимать шум.

Марк целует меня в лоб. От него пахнет тем же шампунем: чайным деревом и лаймом с легкой сладкой нотой.

Сначала мне кажется, что мужчина уже лег, но потом слышу противный скрип.

Что он там делает? Пол ходит ходуном. Хочу обернуться, но вдруг наступает тишина. Да мало ли, может стул двигал. Но тут теплая рука ложится сверху и притягивает к себе. Распахиваю глаза и вижу темноту.

– Доброй ночи, любимая…

Глава 10. Нелепости продолжаются

Утро. Я резко открываю глаза. Как уснула, не понимаю.

Пол ночи не могла успокоиться: сердце колотилось в груди, словно оно решило выйти из строя. Старалась не шевелиться, чтобы не касаться мужчины, хотя это было глупо. Особенно, если считать, что он притянул меня к себе так сильно, что я чувствовала все изгибы его тела. Старалась не думать об интимности происходящего, надеясь, что он уснет, и я выползу из плена его рук. Но от малейшего моего движения Марк подтягивал к себе, прижимая плотней, отчего я переставала дышать. Меня бросало то в жар, то в холод.

Тогда же и решила, что с утра признаюсь в потере памяти. Лучше уж в психушку, чем вот так.

Тело жутко затекло, лежать неподвижно на одном боку с больным ребром оказалось невероятно трудно. Долго не высыхали волосы. Ночью раскрытые руки сковало ледяным холодом. Это дома я свою густую шевелюру феном суши, а здесь я просто зарылась под одеяло в надежде спрятаться от реальности, не задумываясь о красоте и удобствах. А когда Марк повернулся лицом и зарылся в моих кудряхах, стало еще хуже, хотя и теплее. От его шумного дыхания над ухом запирало легкие и не получалось сделать вдох. Я пробовала расцепить пальцы мужчины, чтобы передвинуться на другой край кровати, но не могла даже на миллиметр отстраниться.

Душу скручивало в тугой узел. Лже-муж начинал бесить.

И вот, наконец, утро.

Шторы приоткрыты, вялое солнце бродит по орнаменту на полу.

Аккуратно поднимаю руку Марка. Выползаю, но тут же заваливаюсь назад.

– Доброе утро, золотая, – шепчет мужчина на ухо, а меня трусит.

– И тебе доброе, – максимально вежливо выдавливаю я и снова оттягиваю его ладонь. –

Выпусти, мне пи-пи надо.

– Только после утреннего поцелуя.

О! Ну сколько можно?

– Нет! – резко отстраняюсь, толкнув его локтем, и тяну за собой одеяло. Нечего плятиться!

– Это почему же? – Марк вальяжно поворачивается на бок и подпирает голову ладонью.

Он так и не оделся вчера! Бесстыдник. Бросаю назад одеяло, чтобы он прикрылся, а сама убегаю в душ – переодеться. Но во что? Где моя одежда?

Дверь в ванную открывается.

– Держи, – Марк протягивает сложенные аккуратной стопкой спортивки и футболку, – Лиза еще вчера принесла.

Я нервничаю. Спокойно стоять возле голого мужчины нереально, особенно если он выдает себя за твоего мужа. Довольно пикантная ситуация, правда?

– Благодарю, – процеживаю сквозь зубы.

– Так официально. Вика, меня уже порядком напрягает твое поведение. Ты или говоришь, что не так или… – он застывает на полуслове. Задумался.

– Все нормально, у меня просто шок, – оправдываюсь. Я боюсь. Он страшный. А вдруг психанет? Лучше Зуеву признаюсь.

– Хорошо, и мы, наконец, должны поговорить о том, что случилось перед аварией, – Марк понижает странно голос.

Опа! А что случилось? Округляю глаза.

«Муж» щурится, будто проверяет, помню я или нет. Он пугает меня до колик.

– Да, конечно, – бросаю я и закрываю перед его носом стеклянную матовую дверь душа.

Слышу тихую ругань, затем – удаляющиеся шаги. Мужчина шуршит тапочками по паркету.

Облегченно выдыхаю.

О чём он говорит? Что еще случилось?

Играть комедию дальше нет смысла, я только больше запутываюсь в этой нелепой паутине. И что меня дернуло сделать вид, что помню его? Что значит «помню»? Моя жизнь – это танцы и работа, там нет никаких мужей, свадеб и прочего! Почему я должна выкручиваться? Но интуиция ведёт меня в обратном направлении и твердит мне молчать. Какое жуткое и неприятное чувство.

Быстро ополоскиваюсь и переодеваюсь.

Выхожу из ванны и сталкиваюсь с Марком взглядом. Он заправил импровизированную двуспальную кровать и разлегся на ней, закинув руки за голову. По его широкоскулому лицу плавает странная ухмылка: довольная и загадочная. Что теперь?

Оборачиваюсь и понимаю в чём дело. Свет из окна падает на дверь душа и просвечивает все, что там находится. Вот же ж! Извращенец! Специально дверь в ванную не закрыл! Кровь приливает к лицу. Я нервничаю и, хлопнув дверью, выхожу в коридор.

– Привет, Вика, – тут же перехватывает меня Марина.

Она осматривает мои раны на лице. Удовлетворительно качает белым колпаком, из-под которого выглядывают светлые кудряшки.

– Через полчаса Бенедикт Егорович проверит твои ребра.

– А можно к нему сейчас?

– Нет, он занят. Он сам зайдет.

Хочется завыть.

Ладно. Полчаса потерпеть могу, но вот я совсем не желаю признаваться в амнезии при «муже».

– А Зуев не может меня осмотреть у себя?

– Что за глупости? Все, иди, у меня пациентов на уколах еще восемнадцать человек.

Марина выглядит устало. У неё чуть припухшие веки и розовые, налитые щеки. И почему она не Марья или Маруся? Так и прилипает к ней образ барышни из старинных славянских сказок, не хватает только цветастого платочка и веретена.

Я уже собираюсь уйти, но вдруг вспоминаю:

– А ты не знаешь, приходил ли вчера следователь?

«Марья» приподнимает глаза от кучки крохотных бумажек на столе и смотрит на меня так многозначительно, что я ретируюсь и иду по коридору прочь.

Глава 11. Предупреждение

Из-за поворота выскакивает молодой костлявый парень и с жестом «тихо» тащит меня за собой. Я не решаюсь закричать. А вдруг что-то важное.

– Не признавайся, – шепчет он и брызжет слюной. Тонкие пальцы больно вцепляются в мою кисть. У него выступающий лоб и побитая острой кожа.

– Я тебя знаю?

– Нет, и никому не говори, что видела меня, – он боязливо оборачивается. Глаза-бусинки бегают туда-сюда, а на его клювастом носу выступают капельки пота.

– Приколы продолжаются! – бросаю и собираюсь уйти. Не сильно удивляет, что кто-то знает о моей забывчивости. Следователь ведь видел мою реакцию, может и врач в курсе, а еще Вера Васильевна. Все могут знать и просто ломать комедию. А Марк?

– Вика, какие приколы? Ты – насекомое в сачке, вот кто ты! Эта история для тебя – пропасть, детка. Просто промолчи, не говори никому, что помнишь прошлое!

Перед глазами возникает картинка, где крохотная бабочка залетает в бутылку и судорожно трепещет за стеклом. Обламывает крылья о стенки сосуда, тщетно пытаясь найти выход. Грубая мужская рука закрывает крышкой последний выход и, как трофей, ставит «тюрьму» на полочку.

Отряхиваюсь от видения.

Я от воспоминаний об аварии еще не отошла, не хватает только новых чудес. Закипаю и придавливаю хлыща к стене, подперев локтем его костлявую шею. Он закатывает в ужасе глаза, подернутые сеточкой лопнувших сосудов.

– Говори все, что знаешь! – не ожидаю от себя такого, но контроль не могу вернуть. Слишком все достало.

– Отпусти, – шипит парниша и снова брызжет слюной. Он напоминает мне Кощяя Бессмертного. Именно тот случай, когда с виду слабый старичок оказывается настоящим монстром.

– Откуда ты меня знаешь? И что еще за история?

– Не признавайся – это все, что я могу тебе сказать! А теперь отпусти-и-и, – он почти умоляет. Я сжимаю пальцами его рубашку в клеточку и мне кажется, что ткань сейчас рассыплется: такая она грязная и трухлявая. Чувствую новый прилив гнева.

– Говори, а то придуши! – зажимаю сильнее, придевив до хруста выпирающий кадык. Из глотки Кощяя вырывается хрюп. Мне неприятно, морщусь от его несвежего дыхания.

– Пусти, дура! – кричит он надорвано и вертится. Но я на пике яростного порыва не могу остыть. Мне он неприятен, особенно его слюна на моем лице.

– Кто ты? Быстро говори!

Пацан вдруг изворачивается и бьет коленом мне под грудь – прямо по швам. Глаза застилают тьмой. Скручиваюсь от боли, припадая на колено, а когда прихожу в себя хлыща и след простыл.

Накрывает волной паники: мне нужен воздух!

Сбегаю вниз по лестнице и распахиваю дверь на улицу. Теплый ветер захватывает волосы, и они летят куда-то за спину, будто крылья. Прислоняюсь к кирпичной стене и не могу остановить учащенное дыхание. Что-то не так. Что-то не так, ЧТО-ТО не ТАК!

Ломать комедию дальше у меня нет сил. Терпеть присутствие мужика в своей постели – это перебор, пусть лучше отправят меня...

– Виктория?

Оборачиваюсь на мужской голос.

Кожаная папка в руках, седые волосы, серые глаза из-под густых белесых бровей. Пестов – следователь.

– Здравствуйте, – проговариваю с трудом. Дыхание все еще не выровнялось, и руки ходят ходуном. Прячу их за спиной.

– Вышла подышать?

Киваю.

– Отлично. Пойдем присядем, как раз и поговорим.

Мужчина показывает на аллею, где под каштанами прячется несколько скамеек.

Иду. Солнечное сплетение все еще ноет от удара, между ребрами будто застряла стрела, хорошо хоть не Амура. Осматриваюсь и незаметно щупаю себя: на первый взгляд, все в порядке. Видимо, Кошкой ударил ниже, по желудку. Но было жутко больно. До сих пор внутренности словно камнями набиты.

Я уже не знаю, что говорить, как себя вести, чтобы выпутаться из этой нелепицы с прикусом крови, ведь все это так неправильно!

– Принес твои вещи, вернее то, что от них осталось после… ну, ты понимаешь, – Николай Владимирович достает из папки небольшой сверток в коричневой бумаге. Она мне напоминает пергамент для выпечки. Я беру упаковку, но вдруг цепляюсь взглядом за шрам на шее следователя: длинный, без единого рубца, ровный, от уха и заканчивающийся у основания плеча. Сейчас при дневном свете он похож на застрявшую под кожей нить для вязания.

Мужчина трет заросший подбородок. На солнце седые кончики волос кажутся снежной крошкой. Он прикрывает рубец ладонью: заметил мой интерес. Я смущенно опускаю глаза. Где же это нужно было так порезаться?

Удивляюсь маленькому пакету.

– Это все?

– То, что разбилось и слишком испачкалось кровью, я выбросил.

– А телефон? – спрашиваю, не разворачивая содержимое.

«Нет» – машет следователь.

– Я попытался карточку спасти, но и она раскрошилась.

– Да Бог с ней, – выдыхаю я. – Вы родителей моих нашли?

Он смотрит на меня и молчит. Затем шмыгает носом и снова тянется к седой щетине высохшими пальцами. Я жду, что вот-вот посыплется снег с его бороды: такой она казалась белой.

– Что ты помнишь? – вдруг спрашивает следователь.

– О чем вы?

– Мне интересно, что ты помнишь, кроме того, что у тебя есть родители, ты шла на конкурс танцев и…

– Кастиング, – поправляю я.

– Да, точно. Так, что ты помнишь? Мужа?

Сговорились? Я в замешательстве. Шла из комнаты в полной уверенности, что готова признаться, а теперь… После этой странной встречи…

Скольжу взглядом по окнам больницы и замечаю Марка. Он смотрит через приоткрытую щель гардины и ехидно улыбается. Его голубые глаза блестят! В миг по телу пробегают тысячи горячих искр. Сглатываю горький комок, мешающий дышать. Лже-муж прикрывает занавеску, но я чувствую, что он все еще там: стоит и наблюдает, сквозь тонкую гардину, за каждым моим движением.

Все это очень странно.

– Крылова, я слушаю, – напоминает Николай Владимирович и с неприятным шуршанием чешет снежный подбородок. Затем приоткрывает папку и замирает рукой внутри.

– Помню, конечно. Нас даже в одну палату поселили, – бормочу я и понимаю, что все что говорю видно из окна. Редко кто может читать по губам, но я, все же, отворачиваюсь и сажусь в пол-оборота, делая вид, что любуюсь деревьями.

– В прошлый раз ты утверждала, что не замужем.

– Контузило, не сразу в себя пришла, – пожимаю плечами и надеюсь, что следователь поверил.

От этого взгляда в окне до сих пор ползут мурашки по коже, и где-то под лопatkой разрастается жмут ржавых гвоздей, что мешает дышать.

– Хорошо, – рука Николая Владимировича все так же лежит внутри папки. – Значит, тогда у меня больше нет вопросов.

– Так что, это все? Выяснили причины аварии?

– Виктория, банально, но это тайна следствия, – мужчина вытягивает, наконец, ладонь из папки. В пальцах зажат светлый прямоугольник.

Меня потряхивает, но я стараюсь держаться достойно и не подавать вида: все еще материально ощущаю на себе взгляд синих глаз.

– Но...

– Если что-то вспомнишь, ну, мало ли, – он протягивает карточку, и я вижу, как она ныряет мне в пальцы. Мужчина оглядывается на окна. – Все, Крылова, мне пора. Нужна будет помочь – свяжись со мной, но надеюсь мы больше никогда не свидимся.

– Спасибо, – тихо говорю я и провожаю следователя взглядом.

Пестов идет покачиваясь. Одну руку прячет в карман брюк, под мышкой второй торчит затертая кожаная папка. Следователь уходит и забирает с собой последнюю надежду расставить все точки... Почему я смолчала? Почему не призналась?

Я гляжу на визитку: глянцевая поверхность, на ней – выпуклые буквы и полное имя следователя, чуть ниже номер телефона. Кручу ее. С обратной стороны ничего нет, только солнце переливается в глазури крашенной бумаги.

Догнать его! Сказать все, признаться! Кто-то должен мне помочь. Я подрываюсь, но замечаю движение в окне нашей палаты. Не смотрю туда, заворачиваю к корпусу и ныряю под навес, чтобы скрыться из виду. Марк что-то знает. Сейчас я в этом уверена. Так что же случилось «до»?

Следователь скрылся за воротами больницы. Мне страшно. Я дрожу от страха и ярости, напоминая себе мошку, которая попалась в липкую ловушку. Как же точно выразился этот тощий парень в коридоре: «Ты – насекомое в сачке!».

И здесь же вспоминаю, что про родителей Пестов мне так ничего и не ответил. Почему никто не ищет меня? Почему за три или четыре дня никто не навестил? Стоп! Кто-то приносил фрукты!

Глава 12. Муж

Я взбегаю по лестнице и ищу Марину. Но ее нигде нет. Делать нечего: возвращаюсь в палату. Нужно поговорить с этим несносным Марком, может получится что-то выяснить. Страшно, но выхода нет, придется как-то выбираться из этой нелепой бутылки с узким горлышком.

Зуев как раз осматривает «мужа». Здороваюсь кивком с врачом и смущенно прохожу в комнату, направляясь к окну.

– Вика, сюда иди, – Бенедикт Егорович снимает стетоскоп и пересаживается на мою сторону кровати.

Я, нервно сглатывая, смотрю на Марка. Он опускает футболку, пряча под ней богатырскую грудь, перевязанную бинтами. Меня передергивает от одной мысли, что он касался ночью моего тела.

Сажусь.

– Приляг, – доктор смотрит исподлобья, стреляя в меня змеиным взглядом. Я медлю. – Вика, давай, у меня еще пол отделения ждет.

Покорно ложусь.

«Муж» пересаживается и оказывается ко мне лицом, словно нарочно.

– Футболку, – говорит врач, а меня пробивает током ужаса.

Закрываю глаза от беспомощности. Закусываю губы и обнажаю грудь. Я знаю, что Марк смотрит. Знаю, и не могу ничего поделать. Покоряюсь.

А вдруг мы, и правда, муж и жена и три года жили душа в душу, а все остальные мои воспоминания – это просто плод воображения? Что если я действительно люблю и любима? Открываю глаза и смотрю на Марка.

Мужчина гладко выбрит, вороные волосы аккуратно рассыпаются и слегка прикрывают лоб, часть их каскадом укладывается на бок, закрывая уши и почти касаясь плеча. Взгляд жгучий, как перец чили, но я не могу отвести глаз. Снова эти блесточки прыгают на его радужках, словно там поселилась Снежная Королева.

Бенедикт Егорович прощупывает мои ребра, цокает языком, затем приподнимается.

– Завтра, возможно, выпишу вас обоих. Смысла не вижу держать больше. Раз в недельку придете на проверку.

Я одеваюсь, стараясь не замечать жжение на щеках от стыда. Душа уже полна надежды, что завтра все закончится. Попаду в свою квартиру и все выяснится, ведь там уже точно есть доказательства, что нет никакого мужа!

«Не признавайся».

Гоню прочь от себя навязчивый облик худого и испуганного парня с неприятным запахом изо рта.

Марк провожает доктора до двери, что-то тихо ему говорит, мужчины обмениваются кивками и рукопожатиями. Зуев задерживается на пороге.

– Да, Вика, проследи, чтобы Марк не делал резких движений. И еще! Никаких танцев месяца два.

Последние слова выбивают воздух из легких. Я поворачиваюсь на бок и зажимаю угол подушки во рту, чтобы не застонать. Лучшего наказания и не найти.

Сквозь грохот сердца слышу, как закрывается дверь.

– Медди, ты чего? – Марк присаживается рядом на пол и гладит мои волосы. Не хочу его видеть. Смыкаю ресницы так, что скопившаяся влага сама сбегает по щеке. – Ну-у, золотая, перестань.

– Не трогай меня, прошу, – бормочу я и, перекатываясь по кровати, поворачиваюсь к Вольному спиной.

И меня тут осеняет.

«Медди» – так называл меня только один человек. От шока чувствую, как корчится кожа на лице. Я медленно разворачиваюсь назад. Рука «мужа» застывает на плече, тянется пятерней потрепать мой опаленный ежик, но я отползаю на другую половину кровати.

– Кто ты, Марк?

– Не понял, – мужчина не встает, но натягивается. В такой позе он похож на пантеру, готовую броситься на добычу. Чуть наваливается на кровать и тянется ко мне. Я еще отодвигаюсь.

– Почему «Медди»?

– Вик, ты меня пугаешь, – он вдруг делает рывок и хватает меня за запястье. Да так крепко, что боюсь дернуть – сломает. – Люблю тебя и твои медные волосы, вот потому и «Медди». Забыла, что ли? Я тебя еще до свадьбы так называл. Странно от тебя это слышать, – подвигается еще ближе. Чувствую тепло его кожи на расстоянии. Марк зарывается носом в мои вспученные волосы и шумно выдыхает горячий воздух в ухо.

Вольный приподнимает меня и притягивает к себе. Его руки невероятно крепкие – я не могу сопротивляться. Да и не хочу. Мне становится так тоскливо, что обятья – единственное, что сейчас радует.

Меня внезапно подкидывает в неосознанном трепете. Может это тело помнит ласку? Но почему я не помню? Дышу часто-часто, слышу терпкий запах мужчины и чувствую, как слезы смачивают его футболку.

– Зачем я выжила? Зачем? – накрывает волной истерики, будто вырвалась бурная река из берегов. Марк гладит по голове, и я таю от этих почти отцовских прикосновений.

– Не смей, слышишь, не смей так говорить! – он берет мое лицо шероховатыми руками и прикладывает свой высокий лоб к моему лбу.

Я реву. Реву от того, что не могу молчать и не могу признаться. От того, что я жутко устала от вопросов, от переживаний, от осознания, что все могло быть иначе. В той. Прошлой жизни.

– Мне больно. Я не могу так, – всхлипываю, прижимаясь сильнее. Вдыхаю его запах: такой знакомый и родной. Почему не помню? Почему?! Марк вытирает мои слезы, а затем снова обнимает, еще крепче, будто укутывает шерстяным пледом, и мне становится легче, удивительно легче.

– Все хорошо, – теплые пальцы бродят в волосах. Я чувствую, как «муж» целует уши, шею, скулы, и не отказываюсь. Меня выламывает от неправильности происходящего, но я затыкаю свою гордость, потому что сейчас хочу ласки и внимания.

Глава 13. С ног на голову

Как закончился вчерашний день, помню смутно.

Я бродила по комнате привидением, потом укладывалась на кровать и, не найдя удобное положение, все время вертелась в полудреме. То меня бросало в неудержимую дрожь, то я застыала, как каменное изваяние.

Марк не отходил ни на секунду, и я даже начала смыкаться с мыслю, что он рядом. Все равно никто из моих родных так и не появился. Что жутко настораживало. Несколько раз я выходила и просила Марину помочь мне связаться с ними, но она лишь разводила руками. Даже телефон снова дала, но телефон родителей я не помнила, а Артем не отвечал.

Весь деньправлялась с глубокой апатией и не хотела оставаться одна. Тогда я воспринимала «мужа», как сиделку, к которой можно обратиться и попросить воды. А еще от озноба помогали его объятия, благо он больше не пытался лезть целоваться. Только изредка дышал в шею и уши, но это было даже приятно.

Ночь наступила внезапно, как и утро. Я не заметила, как уснула и также неожиданно проснулась в железных объятьях Марка.

Он, замурчав, выбирается из-под одеяла и шлепает в душ, смешно шаркая тапочками.

Я долго креплюсь, чтобы не развернуться и не посмотреть на него через матовое стекло. Пару раз поворачиваюсь на постели и даже укрываюсь с головой. Но потом все равно зыркаю в его сторону: дверь, извращенец, конечно же, не закрыл.

У него крепкие ноги и бедра, будто созданы для борьбы или бега. Силуэт спины такой внушительный, что я задерживаю дыхание от восторга. Вольный склонив голову, намыливает волосы. Мне кажется, что он на секунду замирает. В миг прячусь под одеяло.

Когда «муж» вышел, я уже собрала постель и переоделась. Чтобы не особо затевать лишние разговоры, занимаюсь укладыванием вещей, которых было всего ничего. Пара заколок из рюкзака, шпильки, небольшое зеркальце, которое чудом выжило, и гетры. При сильных нагрузках и растяжках без них никак, но сейчас – бессмысленны. На несколько месяцев придется оставить мысли о танцах. Но ничего! Я верну форму и у меня еще будет шанс попасть в мюзикл, не в «Танец мотылька», так в другой.

Марк идет в кабинет Зуева оформлять выписку. На пороге останавливается и долго смотрит на меня. Я замираю под этим пристальным взглядом и не знаю, что сказать.

– Я быстро, – бросает «муж» и исчезает за дверью.

А у меня шлейфом перед глазами его голубая радужка, словно впечатывается, вгрызается в память. Может все не так уж и плохо?

Складываю полотенце и думаю о родителях. Как это они не подали в розыск? Как это Артем меня еще не нашел? Странно.

Был случай, примерно с год назад. Я пообещала маме наведаться к ним в воскресенье – брат приезжал из долгой командировки, но меня так загоняли на корпоративах в субботу, что я просто не проснулась с утра. А потом еще и забыла. Телефон разрядился и лежал в сумке.

Какое было мое удивление, когда под обед вся моя родня завалилась ко мне в гости. Я в тапках с мехом, в халате на голое тело и с растрепанными волосами. В холодильнике только засохший огурец да кусок недогрызенной варенки. Благо они с собой еду привезли, иначе если бы мой сухпаек из злаковых хлопьев.

Стоило мне задержаться хоть на час и уже на экране телефона пестрели десятки непринятых вызовов. А сейчас ни намека, что я им нужна.

Странное беспокойство сковывает сердце. Отряхиваюсь от воспоминаний и обвожу взглядом палату, чтобы ничего не забыть.

Под стенкой возле кровати Марка стоит тумбочка. Я приоткрываю верхний ящик и нахожу свой паспорт, а с ним навязчивую фотокарточку. Ту самую фотку незнакомого мне человека, в глазах которого я увидела что-то необычное, родное, что ли. И сейчас замираю от необъяснимого чувства. Как бывает: помнишь что-то, оно даже вертится на языке, но вот, что именно – не знаешь.

Слышу, как открывается дверь.

– Ты собралась? – спрашивает Марк.

– Кто это? – оборачиваюсь и смотрю в холодные глаза «мужа».

– Это ты мне скажи, – Вольный делает шаг. Я чувствую, как ползет по спине знакомый страх. Отходить некуда: позади стена.

– Я не знаю кто он, – осторожно говорю и стараюсь уловить малейшее изменение на лице Марка. Сначала мне кажется он злится, губы поджимаются, опуская уголки. Изучает меня прищуренным взглядом. В следующий миг его лицо озаряет светлая улыбка. Он обхватывает мою талию и тянет к себе.

– Ничего, вспомнишь, – и в голосе слышу какие-то странные нотки раздражения.

«Муж» целует меня в щеку, как раз туда, где еще не сняты швы от пореза. Целует небрежно и, словно нарочно, делает мне больно.

У меня подгибаются ноги от боли и внезапного трепета, а Марк шепчет:

– Дома все встанет на свои места. Пойдем, я жутко устал от этих облезлых стен, – немного отстраняется, скжав лапищами мои хрупкие плечи. – Кстати, нам еще к медсестре зайти.

– Хорошо, – выдыхаю я.

Мир качается, но я иду.

Домой. Где все станет на свои места.

Глава 14. Дом

В такси меня сморило. Снился какой-то вязкий и непонятный сон, будто бы кто-то стоял рядом и тянул из моей груди красные ленты. Было больно, а я не могла пошевелиться.

– Вик, приехали, – слышу голос Марка.

Я открываю глаза и смотрю на улицу. Облегченно выдыхаю.

Дом – с огромным граффити справа от входа. На третьем этаже моя квартира, пластико-вые окна и, даже отсюда, вижу шторы, которые вешала месяц назад. Сейчас все раскроется, и мы, наконец, покончим с этим фарсом.

Зыркаю на «мужа» и задаюсь вопросом зачем ему это надо было. Неужели кто-то решил пошутить? Но решаю, что надо разоблачить его своевременно.

Марк, как ни в чем не бывало, берет вещи и выходит из салона. Таксист пересчитывает деньги, и удивленно оборачивается.

– Едем дальше?

– Нет, – прихожу в себя и выныриваю на улицу.

День в самом разгаре, солнце слепит глаза и щекочет плечи.

Поднимаемся по лестнице. Я с ужасом наблюдаю, как Марк уверено идет ко мне домой, словно три года подряд стирал подошвы на этих ступеньках.

Соседка – тетя Варя, как раз выходит из квартиры со старым затертым пакетом, заполненным до предела, того и гляди швы сейчас треснут и содержимое вывалиться на лестничную площадку.

– О, Марк, вы уже вернулись?! – восклицает женщина.

У меня ноги прилипают к бетону и не хотят идти дальше. Соседка сокрушенно машет растрепанной прической и обращается ко мне:

– Вика, рада видеть живой и здоровой.

– Спасибо, Варя Константиновна, все обошлось испугом, – говорит Марк и тянет меня за собой.

Продолжаю дышать, но уже с надрывом, с тяжелым предчувствием, что все не так просто.

Марк открывает дверь, как-то странно косится на соседскую квартиру, и я снова замечаю необычный блеск в его глазах.

– Почему так смотришь? – вдруг спрашивает Вольный, заметив мой взгляд. Я не решаюсь ответить, слишком тяжело воспринимать происходящее. Он пропускает меня внутрь.

Знакомый, привычный запах моей квартиры. Кажется, все вещи на прежних местах. Прогужу дальше.

Гостиная. Кухня. Ванна. Будто и не было эти четырех дней в больнице. Моя квартира.

Я мечусь. Марк бесшумно ходит за мной по пятам. Не обращая на него внимания, забегаю в спальню и застываю.

Вместо дивана, посередине комнаты, двуспальная кровать. Распахиваю шифоньер и вижу аккуратно сложенные мужские вещи. Они занимают ровно половину шкафа. Не может быть!

– Что-то не так? – Марк подпирая дверной косяк, следит за мной острым взглядом.

Я захлопываю дверь шкафа и отхожу к окну. Хочется закричать. Стискиваю зубы и понимаю, что эмаль сейчас раскрошится от напряжения.

– Медди?

Дергаю плечом.

Пальцы тянутся к гардине. Приоткрываю тонкую ткань и смотрю на улицу: широкий двор, внизу ряд машин на парковке. Тетя Варя спешит в магазин, прячась от полуденного солнца под кленами. Вижу вход в соседний подъезд и меня прошибает током – ненавиж-жу-

у. Но там, возможно, осталась крупица той старой жизни. Там доказательство того, что я не спятила. Придется сделать этот шаг, рано или поздно. Придется встретиться с ним.

Рука Марка ложится на спину. Он подошел так тихо, что я подпрыгнула от неожиданности.

Задерживаю дыхание.

Резко оборачиваюсь и, не выпуская из пальцев кристалон, перегораживаю пространство между нами прозрачной пеленой. «Муж» не удивляется, не меняет выражение лица. Медленно отодвигает преграду и продолжает наступать. Я слышу, как щелкают застежки на карнизе, и невесомая гардина падает вниз.

– Ну, хватит уже, – шепчет Марк. Его бархатистый голос вводит меня в ступор. – Мы дома. Все в порядке. Ты до сих пор обижаешься? – смотрю на его громадную грудь, упираясь пальцами в упругие мышцы, и пытаюсь отодвинуться. От шока не могу говорить.

– Я ничего не помню, – бормочу, делая шаг в сторону.

Марк зеркалит мое движение. Тюль тянется за моей ногой и обматывает лодыжку.

– Что ты такое говоришь? – «муж» вцепляется пятерней в волосы на затылке и пытается склониться надо мной.

– Отпусти...те! – голос ненатурально скрипит.

– Вик, что ты, как дикая? – смеется мужчина.

Я отстраняюсь, ткань гардины натягивается сильней, одна часть остается под подошвами Марка.

– Не касайтесь меня.

У «мужа» округляются глаза, брови ползут вверх, губы сжимаются в тонкую полоску. Солнце освещает его змеиную улыбку и прищуренный взгляд. Это не может столько раз казаться: у него сияют глаза. Светятся, как лампочки. Невероятно!

– Хороша комедия. Поигралась и хватит.

– Я не шучу, – еле выговариваю, не отрывая глаз от его синих радужек.

– Почему в больнице не сказала? – Марк подтягивает край гардины и наматывает ее на руку, не позволяя мне отодвинуться, после чего нога окончательно застretяет.

– Думала, что пройдет, – оправдываюсь.

Начинает колотить, хотя на улице летний зной. Мне до смерти страшно.

– И?

– Не прошло, как видишь... те.

– Твою ж... – Марк меняется в лице. На секунду мне кажется, что нет синих глаз: они наливаются теменем, шрамы разглаживаются и спадает отечность, которая и так за эти дни стала почти незаметной. Но лишь на секунду.

Я, наверное, сошла с ума.

Вольный долго смотрит, как зачарованный. Все еще держит гардину, а я не знаю, как поступить дальше. Возвращаться в больницу у меня нет ни малейшего желания.

– Я не замужем. Это ошибка.

– Что?!

– Я помню другую жизнь: без тебя. Другую. Я жила одна! Всегда!

– А как же это? – Марк показывает на кольцо, в точности повторяющее мое, только в диаметре больше.

– Я не знаю, – пожимаю плечами и пытаюсь выкрутить ногу из плена.

– То есть, я как бы не существую?

– Существую, но не в моей жизни.

– Ты сама себя слышишь?

Марк делает резкое движение вперед. Я пячуясь и чувствую, как больней затягивает лодыжку.

– Не подходи… те ко мне, – говорю хрипло я.

Это какой-то маразм. Парень-Кошечка сказал молчать, не признаваться. Нелепо. Если у меня амнезия – пусть лечат, но меня больше всего мучает то, что я помню свою жизнь.

– Вика, я – твой муж, и если у тебя проблемы – мы решим их вместе, – вязкая патока речей не вписывается в его эмоции на лице: особенно не вяжется с этим безумным, пронизывающим взглядом.

Я мотаю головой, дергая изо всех сил ногу, но ткань, словно живая, ухватилась и не отпускает. Она вьется змеей выше и выше и уже обхватывает колено.

– И ты моя жена и больше не смей говорить, что меня нет в твоей жизни, – его голос срывается: становится грубым и резким. От него холодаеет все внутри.

Мой страх стоит передо мной. Он вцепился в грудь толстыми щупальцами и тянет из души все силы. Вот тебе и сон исполнился.

Взмахом руки гоню морок, будто стряхиваю назойливую мууху. Что происходит?

– Я тебя не помню, – спокойно отвечаю и тащу тюль, что казался секунду назад удавом. Вот же ж привиделось!

– Вспомнишь, – Марк в миг оказывается около меня и заворачивает в свои крепкие объятья.

Не могу дышать. Воздух в груди сдавливается, будто комната наполнилась угарным газом.

– Может быть, но сейчас отпусти меня, – обессилено пишу.

– Еще чего. Я слишком соскучился, – он опускает голову, и я слышу шепот на каком-то странном языке, словно внеземном. Затем тело застывает, я падаю и кричу. Мужчина заваливается вместе со мной, закрывая мне рот ладонью.

Воздух взрывается и, на какое-то мгновение, я оказываюсь в маршрутке.

За спиной закрывается дверь. Я притискиваюсь дальше и, брезгливо морщась от стойкого запаха пота, стараюсь не касаться локтями пассажиров. Сесть некуда, салон забит до предела, еще человек шесть едут стоя. Тут я замечаю, что не вижу лиц людей. У них нет глаз, щек, бровей, ничего нет. Будто маски из пустоты! Рука замирает в глубине сумки. Я тут же ошаращенна озираюсь на водителя. И вижу Марка… Тяну ему купюру, и тону в его глазах цвета утреннего неба. Нечем дышать, меня подкидывает. Рвется сталь, скрипят тормоза, кричит женщина над ухом.

Я вскакиваю. Вся вспотевшая, словно два часа провела в зале. Марк тут же опускает меня на кровать.

– Это сон. Все хорошо, милая. Я уже созвонился с Верой Васильевной, она сказала, что в курсе твоей амнезии. Это временно, – его голос убаюкивает. Закрываю глаза и долго лежу без движения.

Марк перебирает мои волосы. Чувствую его запах и слышу густое дыхание. Мне так плохо, что боюсь шевельнуться. Кажется, я – залитая эпоксидкой букашка: еще живая, но уже без шансов на спасение.

– Ты все вспомнишь, просто нужно время, – шепчет Вольный и осторожно целует в висок.

Я закрываю глаза и молюсь про себя, все еще надеясь проснуться. Зудит под ложечкой и ноги сводит от желания танцевать. Пришел он и все разрушилось. Пусть все вернется назад.

Через время мужчина уходит. Комнату окутывает вязкая тишина. Где-то вдалеке цокают часы и через стену слышатся приглушенные голоса соседей.

Марк на меня странно действует. Может и правда муж? Ловлю дрожь. А почему тогда он был за рулем маршрутки, а не со мной? Это настораживает. Но память моя явно дала сбой, да и верить видениям и снам я не намерена. Но чему тогда верить?

Глава 15. У кольца нет конца

Не хочу вставать. На душе так пакостно, что спала бы круглосуточно. Пусть выламывает мышцы, пусть режет глаза от пересыпа, пусть раскалывается голова и бурчит живот.

Как хочется есть!

Где же названный муж?

Крадусь по комнате, набрасывая найденный на стуле халат.

В эту ночь Марк смиловался надо мной и ночевал в гостиной. Но что дальше? Мучает все тот же вопрос: как жить дальше?

– Нет, – слышу приглушенный говор Марка из другой комнаты. Замедляю шаги и останавливаюсь в коридоре. Низкий и резкий голос: – Я понял. Повторять не нужно.

На несколько секунд повисает тишина. Видимо, «муж» слушает, что ему отвечает собеседник в трубке.

– Месяца хватит. Да… – говорит в ответ мужчина. Некоторые слова не получается разобрать.

Подхожу еще ближе.

– Икс не понадобится… – несколько предложений он проговаривает очень быстро – не разобрать. Остался шаг и можно приложить ухо к двери. – Я уверен, не нужно. Она сама. Да понял! – Марк переключается на полуслепот с надрывом.

Ступаю аккуратно, но под ногами предательски взвизгивает половица. Она всегда здесь скрипела.

– Мне пора, – тут же бросает «муж» собеседнику.

Улетаю в ванную, хлопнув дверью. Уверена, он догадался, что я подслушивала. Только толку мало: ничего не поняла.

– Медди, ты проснулась? Есть хочешь? – слышу елейный голос из коридора. Марк слегка стучит в дверь костяшкой пальца.

– Да, очень даже, – отвечаю автоматом, а сама гляжу в зеркало.

На кого я похожа? Какой-то ужас!

Быстро умываюсь и выглаживаю волосы утюжком. Ежик пришлось подровнять ножницами. Ташусь от результата: получилось очень даже модно, словно нарочно срезали наискосок челку. Хочу стянуть волосы, привычно, в тугой хвост, но задумываюсь. Так и замираю с руками над головой.

Кажется, раны на лице затянулись слишком быстро. Веду пальцами по шву на щеке: нити уже нет, ее Марина еще в больнице сняла, остался только едва видный тонкий рубец. Хороший врач этот Зуев: кожу сложил идеально. Может даже не особо видно будет шрам, и я смогу получить главную роль в мюзикле.

Все-таки завязываю хвост.

На удивление, чувствую моральное облегчение сегодня. Это не объяснить. Тело немного ломит, а в голове ясность. И как жутко хочется танцевать! Именно морально тянет, физически не сказала бы, мышцы, будто не мои: слишком ослабленные.

– Вик, ты еще долго? Завтрак стынет, – Марк снова за дверью. Кажется, сейчас, как верная кошка, станет скрести по дереву.

Ну, что ж? Будем как-то жить и пытаться вспомнить. Другого выхода нет. Нужно только с родителями связаться, а то вчера… А что было вчера? Со мной явно что-то не так. Помню, как мы с Марком говорили, а потом – провал.

Что же было вчера?

Смотрю на отражение. Тянусь к глазам, чтобы расправить слипшиеся ресницы. На белке, под болотного цвета радужкой, замечаю какую-то точку. Такого не было раньше. На втором

симметрично такое же золотистое пятнышко. Оно внизу, почти под веком, и оттого едва приметно. И, кажется, оно сияет. Моргаю. Сердце бьется учащенно. Наверное, это очередной сон. Щипаю себя за руку и шикаю от боли.

– Вика, все в порядке? – спрашивает «муж» и сильней стучит в дверь.

Вот пристал!

– Да, я уже иду.

Смотрю снова на странные точки в глазах. Сияния нет. Ну, и ладно. Последнее время я вообще у многих замечаю похожее свечение. Вот у Марка, например, а еще у Зуева видела один раз. Может это просто мое больное воображение? Может это просто побочный эффект после аварии? Сотрясение, и все такое.

На кухне светло и привычно пахнет корицей. Люблю ее, часто пеку с ней сдобу. Стол застелен белой скатертью, там уже дымятся две чашки кофе, на тарелке бутерброды с сыром. Непривычно, когда за тобой кто-то ухаживает.

Марк небрежно целует меня в висок и жестом приглашает к столу.

– Выспалась?

– Кажется, да, – присаживаюсь и пытаюсь понять, что не так.

Хлопковые шторки с ярким фруктовым рисунком, несколько цветков в горшках, магнитики на холодильнике. Ничего особенного, все так же, как и перед моим уходом на кастинг.

Но на сердце все равно неспокойно.

– Молоко? – спрашивает Марк и присаживается напротив. А я смотрю на него, затем на кофе, и понимаю в чем дело.

Я всегда пью горячее из одной чашки, которую подарили мне на одном из конкурсов. Она светлая, широкая и с золотистым ободком.

Сердце пропускает удар, я понимаю, что все идет как-то против шерсти.

– Марк, кто ты?

– Вика, да что ты заладила?! – он громко ставит свою чашку на стол, такую же точно, как у меня в руке – узенькую, кремового цвета с принтом бабочки на одной стороне.

– Я никогда не пью кофе или чай из этих чашек.

Наблюдаю. Мужчина медлит, затем кусает хлеб и мне кажется тянет с ответом.

– Ток мью жо, когдаа стоали вместе жить, – он прожевывает еду и запивает ее кофе.

Затем уже разборчивей добавляет: – Решили пить с одинаковых.

– Я не помню.

«Муж» пожимает плечами.

– Ты меня чужим воспринимаешь, как ты можешь вспомнить такие мелочи? – он встает. – Так что? Молоко будешь?

– Нет. Я думала такие вещи муж должен знать.

– О чём ты?

Молчу. Марк вытягивает вверх густую черную бровь.

– Я не пью молока.

Замечаю, как он судорожно сглатывает и холодные глаза, словно стреляют в меня гневнымиискрами. В миг взгляд светлеет, губы изгибаются в склоненную улыбку.

– Ой, забыл, прости. Наверное, тоже после аварии местная амнезия случилась, – мужчина собирает посуду и принимается все ополаскивать. Будто намеренно оборачивается ко мне спиной, чтобы я не могла видеть его лицо. Но я слышу, как сильно стучит посуда об мойку. Нервничает.

У меня появляется мерзкое чувство, что меня обманывают. «Мурашки» ползут по плечам, забираясь под футболку. Обнимаю себя, чтобы прогнать неприятное ощущение.

– Я пройдусь немного, – говорю я и быстро встаю.

У Марка что-то выпадает из рук и грохочет по раковине.

– Ты только из больницы, я тебя не отпущу.

– Ну, не сидеть же мне в четырех стенах всю жизнь?! – возмущаюсь я.

– Нет. Но недельку-другую придется. Ребра хоть и треснули, но велика вероятность из-за нагрузки сломать. Даже не думай. Пообщаемся как раз, я тебе расскажу все, что попросишь. Может это поможет вспомнить, – он вытирает руки о полотенце, отбрасывая его в сторону. Подходит ближе и, легко толкая меня на мягкое сидение, присаживается рядом. Я непроизвольно отодвигаюсь. Но Марк все равно запрокидывает руки и притягивает к себе.

– Отпусти, – шепчу я. Не настаиваю, просто прошу. Мне не хочется его обижать, вдруг он действительно мой муж.

– Не могу, люблю тебя и так не хватает твоего тепла и ясной улыбки. Сейчас ты только рычишь и дрожишь, словно я враг какой-то.

Сглатываю. Да, мое поведение последнее время желает лучшего. Но что поделать, если я ни черта не помню?

Глава 16. Ничего общего

– Расскажи, как мы познакомились? – спрашиваю, и, все-таки, отсаживаюсь немножко.

Марк, нехотя отпускает мои плечи, и отходит к окну. Его бледное лицо освещают солнечные лучи. Нарочно всматриваюсь, чтобы уловить снова тот блеск в глазах, но ничего не замечаю. «Муж», словив мой взгляд, приподнимает бровь.

– Ничего особенного. Ты выходила из автобуса и чуть не упала, споткнувшись через бордюр. Я походил мимо и подхватил тебя, – он умолкает.

Решаю ждать продолжения истории молча.

Марк глубоко вдыхает. После звонка он кажется заведенным и беспокойным. И точно что-то не договаривает. Нужно больше информации. Его история знакомства мне кажется бутафорией. Картонной коробкой, которую он возводит вокруг моих воспоминаний. Но зачем?

– И? – подталкиваю я его.

– Посидели в кафе, – Марк делает шаг ко мне. Я непроизвольно отклоняюсь. По спине ползет неприятный холод – влипаю в кожу сидения. – Просто влюбился с первого взгляда, – шепчет он.

Слишком близко. Слишком...

– Напоминает сказку, – бормочу и натянуто улыбаюсь. Голос дрожит и ломается, будто хочет вырваться и перейти в крик.

– Так и есть, – мужчина приседает рядом на корточки. Прячет в своих руках мои ладони. Наклоняясь, целует пальцы.

Прислушиваюсь к ощущениям. Приятно. Слышу запах его волос. Необычный запах: терпкий, как мускатное вино с щепоткой имбиря и долькой лимона.

Мне кажется, что если бы Марк жил в моем доме, я бы среди привычных ароматов слышала и его тоже. Но когда мы вошли в квартиру подобного запаха не было. И это настораживает, или доказывает, что мы не жили вместе.

Он поднимает голову. Гляжу в небесные глаза и так хочется ему верить, но никак не получается. В голове застrelяет трухлявый сук, который саднит и печет. Я – не замужем!

– Ты вспомнишь, просто нужно время.

Марк гладит шероховатым пальцем по линии жизни и мне кажется, что я уплываю на необъяснимых теплых волнах ощущений. Ни один мужчина не вызывал у меня подобных. Были только жгучие и острые отношения, не приводящие ни к чему хорошему. Но сейчас я об этом не хочу вспоминать.

У Марка красивые руки, ухоженные и длинные пальцы. Отмечаю красивый рисунок кровеносных сосудов, несколько родинок, пытаюсь напрячь память и вспомнить хоть что-то о нем «до», но мысли по-прежнему упираются в пустоту.

– Пойдем в зал, – «муж» тянет меня за собой.

В коридоре вдруг припечатывает к стене и впивается в губы. От неожиданности отвечаю, чувствуя, как подкашиваются ноги, и я несуся течением необузданной страсти. Он вталкивается языком и пьет мой страх. Будто с каждым движением я опустошаюсь, но наполняюсь другим чувством: нежностью и привязанностью.

Ловлю себя на мысли, что давно впиваюсь пальцами в его волосы и тяну, заставляя прижать сильнее к стене. Тяжесть выбивает из меня стон.

Чужой мужчина, чужой! Тогда почему он здесь? Почему так приятно чувствовать его губы и язык? Ловить шумное дыхание, надорванное вожделением?

Марк резко отстраняется. Я почти съезжаю по стенке, но он удерживает крепкими руками.

– Ты помнишь меня. Тело помнит, – хрипло выдыхает в лицо.

Я гляжу на него и путаюсь в мыслях. Тянет к нему, но почему не могу понять. Неудержимое тепло льется по животу и затапливает всяющую неприязнь.

– Сумасшествие... – выдыхаю шепотом.

Идем в зал.

Проходя мимо зеркала, отмечаю пурпурный румянец на щеках, словно отлив от медных волос.

Марк усаживает меня на диван, слегка придавив плечи.

Здесь его запах слышен сильнее. Отмечаю тонкую нотку жасмина, смешанную с терпким мускусом. Так пахнут наши танцоры после изнурительного труда возле станка. И это не пот – это их суть – сила, власть и крепость духа. Но я уверена, что этот аромат в комнате новый и свежий – к нему квартира еще не привыкла. Стоит открыть окна, и он улетучится вмиг. Это, как наши гримерки, наполненные женскими духами, кремами и мазями – настоящий фейерверк эмоций и жизней. Но стоит всем уйти – остается только запах силы воли – пота и крови.

– Секунду, – говорит «муж» и исчезает в другой комнате.

Я не могу усидеть на месте. Волнение настолько захлестывает сознание, что я вскакиваю и выбираюсь на балкон. Если сейчас не глотну свежего воздуха, наделаю глупостей. А я не готова. Он не мой муж! Так не бывает!

Открываю форточку и вдыхаю. Резко глотаю губами холодный воздух наполненный терпкими нотами горячего асфальта.

Теплый ветер влетает в квартиру, выхватывая из прически несколько тонких ряжных локонов. Цепляюсь взглядом за подъезд напротив и перестаю дышать.

Это он! Идет, согнув шею. Сутулые плечи, на спине рюкзак, похожий на мой – тот, который стинул во время аварии. У двери парень вдруг оборачивается, и я отскакиваю от окна, чтобы не заметил. Тут же наталкиваюсь на «мужа».

– Медди, пойдем.

– Прошу, не называй меня так, – шепчу я и закусываю губу. Меня бросает в дрожь от увиденного и от прикосновений Марка. И я не могу разобраться отчего сильнее.

– Почему?

Я нервно оборачиваюсь, зыркая на противоположную сторону двора. Ушел.

– Мне не нравится!

– Странно. Всегда нравилось. Ладно, пойдем.

Я тяжело передвигаю ноги. Ясно понимаю, что старая память сильна, и она реальней той, которую мне пытаются навязать. И я знаю, что мне придется решиться на этот шаг: придется с ним встретиться. Но не сейчас. Мне нужен перерыв от волнений, иначе я просто свихнусь.

– Марк, какой сегодня день?

– Вторник. Садись.

– Нет, число.

– Кажется, пятнадцатое или шестнадцатое. Точно не знаю. Да, шестнадцатое. В выписке было.

Десятого было прослушивание, значит, я не сошла с ума. Как раз дней пять и прошло.

– Дай телефон, я родителям позвоню.

Замечаю, как Марк замирает на миг. Пальцы сжимаются в кулаки и тут же расправляются.

– Ме... Вик, ты не помнишь, что ли? – его взгляд слишком пугающий. Болезненно печальный, будто я не помню что-то невероятно важное.

– О чём ты? – я присаживаюсь. Теплые руки Марка опускаются на плечи.

– Давай сначала массаж, потом все расскажу. Хочу немного тебя расслабить.

Я соглашаюсь, сейчас, и правда, хочется приятной неги и чутких прикосновений.

– Снимешь футболку? – осторожно спрашивает «муж». Я, не задумываясь, снимаю ее. Все равно в белье, да и эмоции сейчас так зашкаливают, что мне не до стеснения.

Что я такое не помню, отчего у Марка почти побелело лицо? Я вижу его отражение в серванте. Точеный профиль, черные, очень черные волосы прикрывающие высокий лоб. И губы. Пухлые и такие сладкие.

Так, стоп!

Он не мой муж.

Глава 17. Ложь не бывает сладкой

Марк выдавливает из баночки немного масла на ладони и растирает их между собой. Осторожно касается пальцами плеч, перекидывая мои рыжие волосы вперед. Закрываю глаза, и сдерживаю трепыхание ресниц. Широкие ладони, будто созданы для ласк – знают, что делают. Дергаюсь, понимая, что завожусь – жар опускается ниже и ниже. Он разрастается, стоит только сделать вдох и услышать снова мужской запах, напоминающий папин шампунь с нероли, и приправленный мускатным орехом.

И я, кажется, забываю обо всех переживаниях, которые накатили несколько минут назад. Хватаюсь за край трезвого ума и собираюсь встать.

Марк, будто чувствуя мое напряжение, прижимает пальцы сильнее и выдавливает из меня тихий стон. Боль и наслаждение катятся по венам.

Сначала руки невесомо скользят по шее, затем медленно и нежно гладят затылок и запускают пятерни в мои волосы. Марк массирует кожу головы, опускается и поглаживает трапецию, растирая неспешно, но глубоко.

Удивительно странные эмоции, как взбесившаяся лава в застывшем вулкане, накатывают с новой силой и затмевают старые чувства. Я тихо радуюсь, так как очень давно не могла избавиться от гнетущей дыры в сердце из-за некоторых событий. Но не будем об этом.

Закрыв глаза, выдыхаю и смущаюсь, когда получилось слишком порывисто. Марк чуть слышно хихикает. Я хочу встать, но он удерживает меня и снова придавливает к стулу.

– Все нормально, расслабься. Не укушу.

Хочется верить.

– Марк, скажи, я изменилась после аварии? – начинаю, пытаясь выкарабкаться из плена сумасшедшего влечения к чужому человеку. Мне нужно отвлечься, поговорить. Так или иначе, надо узнать «мужа» поближе. Ну, или идти в ЗАГС – разводиться. Потому что другого выхода я не вижу. Раньше времени я не могла настаивать на этом, вдруг, все-таки, амнезия. Почему в голове занозой сидит другая память, я даже не задумывалась. Подумаю позже.

«Муж» проводит ладонью по моему плечу и спускается, массируя руки, к запястью. Волна приятных мурашек налетает с такой силой, что у меня кружится голова. Вцепляюсь в табуретку, чувствуя, как деревенеют пальцы.

– Немного, совсем немного, – проговаривает Марк у самого уха. Я чувствую, как он дышит и не могу пошевелиться. Слишком тревожно на душе от этих прикосновений. Невероятно тревожно. До остановки сердца.

– Ты понимаешь, что мне тяжело воспринимать происходящее? Для меня все по-новому. Ты – новый.

– Я знаю, – шепчет и целует скулу, вытянувшись еще сильней из-за спины. Его длинные волосы щекочут шею. Ловлю новую волну мурашек. Так играть невозможно. Муж или не муж?

Марк прокладывает дорожку назад, по руке к плечам, затем опускается к ключице. Разминает ее и небрежно опускается ниже. Перехватываю его пальцы.

– Не нужно. Не сейчас.

– Но я же вижу, что ты чувствуешь. Позволь. Ты помнишь их – мои прикосновения.

– Ты делаешь мне приятно, мне нет смысла скрывать, но морально я не могу. Это неправильно. Словно я надела чужую обувь: удобную, красивую, но не свою.

– Но я же твой, – чуть поворачивает мой подбородок к себе, и я сталкиваюсь с его васильковым взглядом. Снова эти снежинки!

– Марк, твои глаза...

– Что? – он переходит вперед и присаживается рядом на диван напротив. Тянет меня к себе. Я пытаюсь прикрыться и схватить футбольку, но он отбрасывает ее в сторону.

– У тебя в глазах какой-то блеск, – говорю я, и чувствую, как напряглись на мгновение его пальцы.

– Тебе показалось, – мужчина порывисто прижимает меня к своему громадному плечу. Да так сильно, что я уже не могу ничего сказать.

Слышу биение наших сердец и запах Марка. Он гладит руки, переплетает наши пальцы, отчего не выходит усмирить дыхание. Снова появляется жгучее желание выбраться на балкон.

– Мне нужно подышать.

– Там жарко. Если захочешь, вечером пройдемся по парку.

– И что мне дома делать весь день? Я не выдержу в четырех стенах. Отвези меня к маме. Он сжимает мне ладонь до боли, затем шумно выдыхает.

– Вика, только ты не волнуйся.

– О чём ты? – а сердце уже пропустило удар.

Марк не отпускает меня. Я поднимаю голову и пытаюсь заглянуть в его глаза. Замечаю, как утончились мужские губы, как дернулись вниз их уголки.

– Вика, родители погибли еще два года назад.

Сказать, что меня прошибло током – ничего не сказать. Я превращаюсь в ток. Вцепляюсь огрызками ногтей в его руку и скриплю зубами.

– Нехорошая шутка… – процеживаю и резко встаю. Хватаю футболку и надеваю ее тряющимися руками.

– Медди, это сложно, я понимаю, но…

– Не называй меня так! – кричу. Истерично, не сдержанно, до хрипа в голосе. – Ты врешь! Я это чувствую, это не может быть правдой.

– С чего ты решила, что я обманываю? – спокойно холодно отвечает Марк и отклоняется на спинку дивана.

– Просто вот здесь скребет, когда смотрю на тебя, – показываю на грудь и направляюсь из комнаты. На пороге оборачиваюсь, и бросаю ему: – Только я не понимаю зачем тебе все это.

– Что это? Золотая, ты несешь чушь!

– Чушь – это то, что сейчас со мной происходит. Я всю жизнь посвятила танцам, у меня хорошие добрые родители, внимательный брат, и живу я одна!

– Нет, со мной. Или штамп в паспорте и кольца уже не доказательство?

– Почему тогда у нас фамилии разные?

Марк встает и подходит ближе. На бледных щеках играет румянец.

– Потому что ты так захотела, – мягко отвечает он.

– Это нелепо. У меня нет такой придури. Я бы взяла фамилию мужа, если бы вышла…

– Хорошо, как только ты поправишься, сменим фамилию, – мужчина останавливается рядом и тянется ко мне.

– Прошу… – пячусь.

– Вика, ты делаешь мне больно. Я ведь тоже только кости собрал. Это жестоко.

– Я не могу.

– Что не можешь? Жить не можешь, радоваться, что жива осталась, любить не можешь? Что из этого?

Он напряжен и зол.

Марк внезапно оттесняет меня к стене, после чего упирается ладонью где-то над моей головой.

– Не знаю, – лепечу я.

Когда вижу этот гневный взгляд, пронизывающий сердце холодной синевой, понимаю, что я, настоящая бабочка в банке… Если Марк взбесится, он может со мной сделать что угодно. Нервно сглатываю. Я ведь его не знаю. Не знаю какой он и на что способен.

– Я не против идти тебе навстречу, но полного игнора не буду терпеть. И хватит молоть ерунду.

– Это я мелю?! – взрываюсь. – Это ты сказал, что родители мои умерли!

– Но это правда! – кричит он и хлопает по стене.

От шока не могу пошевелиться. Кажется на голову сыплется песок.

– Н-нет… – шепчу я.

Его лицо смягчается, но уже поздно. Я напугана и сломлена.

– Медди, прости. Я не должен это так говорить. Прости, прости… – пытается меня обнять, но я впиваюсь ногтями в его грудь.

– Прошу, отойди.

– Противен? – он горько ухмыляется и хватает меня за подбородок. У него бешено ходят желваки. Гнев, как молния, вспыхивает в его глазах.

– Ма-арк, отпусти-и, – умоляю едва слышным голосом. Я до ужаса его боюсь.

– Значит, противен, – обреченно выдыхает. – Вика, я не железный, – заключает он и отпускает меня. Кажется, что я сейчас упаду: держит только стена.

Вольный отходит в сторону. Смотрит горьким воспаленным взглядом. Затем ныряет в коридор и через миг слышу, как хлопает входная дверь.

Стекло по стенке. Мне не больно, я просто не понимаю, что происходит. Полное онемение. Кажется, что крышка банки захлопнулась, и я осталась в гнетущей тишине… и только крылья бьются в стекло… обламываются, крошатся бессмысленно, потому что мотылек не может жить взаперти… А выхода нет.

Глава 18. На грани возможностей

Я долгое время сижу на полу и смотрю в одну точку. Не получается плакать. Глаза дерет, но слез нет, словно они высохли. В груди такой пожар, что трудно дышать. Встаю и, как пьяная, бреду к балкону.

Не воспринимаю всерьез слова Марка, потому что эта «новая» жизнь отличается от того, что я помню. Одного не могу понять: зачем ему это? Кто решил со мной так злостно пошутить? За что?

Осмотриваю двор. Соседей не видно, несколько прохожих под тенью деревьев направляются в сторону магазинов и остановок.

И я решаюсь. Сделаю это сейчас!

Бегу в комнату, быстро переодеваюсь и перевязываю волосы. Нужно успеть, пока Марк не вернулся.

Ищу суматошно ключи. На крючке, где я обычно вешаю, их нет. Роюсь в старом рюкзаке: у меня где-то были запасные, но там тоже пусто. И тут цепляюсь взглядом за сумку «мужа»: черная, прямоугольная с накладными карманами.

У Марка точно должны быть ключи, ведь он открывал квартиру.

Сумка практически пустая: несколько листов бумаги, коробочка с ручкой и пластиковая папка. Ключей нет.

Открываю папку, и, среди выписок из больницы, и еще каких-то рецептов, нахожу наши паспорта, а еще ту самую фотку с незнакомым человеком. Она, словно нарочно – вечно попадается на глаза.

Гляжу на карточку и борюсь с нахлынувшим дежавю. Меня качает, я отхожу к опоре и облокачиваюсь на комод. Мутит и, кажется, голова сейчас разломается на части от невозможности вспомнить. Кто этот человек на фото? Кто он? Ковыряю память, да так, что в виски стреляет резкая боль.

Бросаю документы назад, перед глазами мельтешат слайдами картинки: печати в наших с Марком паспортах и фото человека, который теперь будет приходить в кошмарах. Кто он? Отбрасываю снимок на полку и выбегаю из дома. Не могу больше здесь находиться.

За спиной раздается скрежет двери и характерный щелчок: теперь без ключа домой не попасть. И пусть. Теперь это чужой дом, не мой.

Улица встречает густым липовым ароматом: слишком сладким и приторным. Бегу через двор, прямо ко входу в соседний подъезд. Я должна с ним встретится. Нет желания, но должна.

Долго жму на звонок, чтобы наверняка услышал. Сердце стучит, как бешенное – решило жить по своему распорядку: в разрыв дыханию и моему желанию успокоиться.

Никто не выходит. Еще раз нажимаю. Тишина. Несколько минут тарарабаню кулаком. В конце, уже раздосадованная, ударяю ногой по обшивке двери.

И, к моим расшатанным нервам, добавляется прострел под ребром. Не хватает сейчас еще этого. Я хватаюсь за перила и стараюсь дышать глубоко и медленно. Нужно успокоиться, все равно уже ничего не изменить. Не-е-ет! Я так просто не сдамся! Нужно доказать, что все это бред! Я сломаю эти декорации, шитые белыми нитками, и найду ответы.

Направляюсь к выходу.

Во дворе тихо и пустынно: одна бабулька выглядывает из подъезда, но покрутившись у входа, тут же прячется. Да, жарковато. Хорошо, что я оделась легко, а еще привыкшая к тепловой нагрузке. Пока танцуешь, столько сходит потов, что никакая жара не страшна.

Выхожу через арку к ряду магазинов, направляюсь к газетному лотку, но тут вспоминаю, что у меня нет с собой денег, да и телефона тоже. Останавливаюсь. Кто-то толкает в плечо.

Здесь прохожих много. Я, не обращая внимания, перебираю варианты, как поступить дальше. Танцевальный клуб в двух кварталах отсюда. И я решаюсь. Там меня, по крайней мере, знают.

Размашисто иду по улице навстречу горячему потоку воздуха, дерущему щеки, словно наждачная бумага. Ветрено. Мой бурый хвост трепыхается где-то за спиной, и иногда длинные локоны вылетают наперед и лезут в лицо. Дорожная пыль застилает глаза. Но меня все равно вдохновляет прогулка: я чувствую перемены, и так хочется идти и идти дальше.

Возле арки замедляюсь, остается только пройти через нее, там еще немного, и я увижу всех их: которых и люблю, и ненавижу. Сердце странно сжимается в груди. Девушки – конкуренты, партнеры – поголовно обиженные, что я ни с кем не связала свою жизнь. Но в помощи они же не откажут?

Ныряю под овальный свод, как в бассейн с холодной водой. Тень здесь плотная, зябкая. Звуки шагов разлетаются ритмичным стуком и гаснут где-то высоко-высоко. Дышу ровно, мне сейчас максимально нужно быть спокойной. Смешно. Никто из них не навестил, словно всем все равно, что со мной. Но я сама виновата. Для меня танцы прежде всего: никакая дружба или любовь не могли быть важней. Все это знали. Я тепло относилась только к двум людям, но один меня растоптал, а до второго не могу дозвониться.

Отряхиваюсь, чтобы смахнуть неприятное воспоминание.

Мои шаги впиваются в перепонки, слоятся и, кажется, уже за спиной волочится не одна пара ног. Плечи стягивает ледяным жгутом, но я стараюсь не обращать внимания на волнение: иду дальше, иду медленней.

Шаги. Не мои шаги позади. Сейчас на улице разгар дня, а меня обволакивает такой страх, словно я погружаюсь в глубокую непроглядную ночь. Едва переставляю ноги. Не буду оборачиваться. Это, наверняка, какой-то житель, который просто спешит домой. Иду дальше, выхожу из арки.

Здесь нужно пройти через два двора и небольшой сад. Прислушиваюсь и, наконец, смотрю назад.

За мной двое. Лиц не вижу: на головах нахлобученные бейсболки. Они двигаются целенаправленно, до них расстояние в десятки метров.

Ускоряюсь. Мне сейчас не нужны лишние переживания. Лучше добраться до клуба быстрее.

Решаю обогнать дом не так, как обычно, по основной дороге, а по тропинке – там почти никто не ходит, слишком ухабисто. Эти двое сворачивают за мной. Я чувствую себя загнанным кроликом, или бабочкой, которая попалась в сачок. Да может они просто идут куда-то? Может им просто по пути?

Оглядываюсь с опаской: мужчины держатся на расстоянии, трудно рассмотреть их возраст и лица. Они переговариваются между собой и многозначно переглядываются. Сглатываю липкий страх и, ускоряя шаг, почти забегаю в узкий проход между высотками. Иду метров десять, никто вроде не преследует. Облегченно выдыхаю. Осталось только выпрыгнуть из каменного коридора, миновать два подъезда, и я буду у цели.

Мое сердце, кажется, стучит сейчас громче шагов. Делаю выдох, затем глубокий вдох. Нужно успокоиться. Не могу же я зайти в клуб вся в бешенном треморе. И что я так прохожих испугалась? Глупость, какая-то.

Еще шаг, и я буду на проспекте, где толпы людей и вереницы машин.

Вдруг передо мной вырастает один из преследовавших. Я застываю от шока. Оглядываюсь: второй крадется позади.

– Пропустите, – вылетает у меня машинально.

Ширина прохода не позволяет оббежать мужчину – он легко схватит меня.

– Она? – спрашивает первый. Тот, что сзади, кивает.

— Что вам нужно? — прилипаю к стене. Здесь кричи не кричи — никто не придет на помошь. Последнее время на это надеяться не стоит — люди стали слишком безразличными к другим. Я и сама такая.

С одним мужчиной и без перелома я бы справилась — крепкая, да и брат показал пару приемов. Но сейчас — это тупик.

Я стою перед выбором: либо сдаться добровольно, либо драться до конца: пока не посыплются кости, и моя кровь не зальет асфальт. И, так не вовремя, в голове вспыхивают воспоминания об аварии. Меня невольно сгибает, всплески и слайды размазывают широкой кистью полотно реальности.

Глава 19. Спасение

Крик, взмах руки, на кольце округлый камень. От боли выворачиваюсь в сторону. Глаза засвечивает яркий всплеск, затем меня придавливает чьим-то громадным телом, и вмиг все исчезает.

– Хватай ее, – говорит кто-то слева. Пользуясь минутным облегчением, когда видения рассеиваются, я изворачиваюсь и бью наотмашь. Попадаю по небритому лицу. Чувствительную кожу рук дерет до крови.

– Вот тварь! Лягается, – шипит он. Я вижу, как горят злые глаза и замечаю переливчатое сияние на радужке. Второй зажимает мою шею сзади и начинает душить. Первый, в отместку за пощечину, бьет кулаком в живот. Я хриплю. Кричать нет сил и возможности. Из глотки вырывается только свист.

Сопротивляюсь какое-то время, не обращая внимание на боль под грудью. Пытаюсь сбросить удавку с горла, но мужчина захватывает мою кисть и заводит мне за спину. Одной рукой могу только беспомощно впиваться обломками ногтей в его кожу.

– Давай! – приказывает он первому, и тот разрывает на мне футболку. Как банально и глупо, да и еще среди бела дня. И, как назло, нет сил закричать. Гнев подкидывает меня внезапно, и я бью локтем назад. Мужчина чуть ослабляет хватку. Я выворачиваю его руку, как учил Артем, но тут же получаю удар в спину. Тот, что с пощечиной, сгребает лапицей мои волосы и прикладывает головой о стену. Чудом отворачиваюсь и влетаю в бетон плечом.

От боли перед глазами темные круги. Но я так просто не сдамся! Пусть хоть все ребра переломают: пока дышу, я буду бороться. Но тут же понимаю, что эти мысли нелепые. Меня снова скручивают и приставляют лицом к стене, щеку царапает цемент. Набираю полные легкие воздуха и кричу, что есть сил. Не умирает надежда, что кто-то поможет. Мерзкая рука зажимает рот. От нее несет солеными огурцами и сигаретами.

И почему я не послушала Марка? Горькая мысль в самый неподходящий момент. Признавать поражение труднее всего, бороться всегда легче, чем сдаваться. Пока борешься – есть шанс, а когда ты уже понимаешь, что это конец – ты подходишь добровольно к краю и прыгаешь в бездну.

Вот и я так. Мое онемевшее тело отказывалось сопротивляться. Всепоглощающая боль. Кажется, даже пробуждение после аварии не было таким острым.

– Куда ее? – шепчет один из преследователей.

– Сейчас, дай сначала полапаю, – чувствую, как колючие тонкие пальцы скользят по спине и дерзко перемещаются на грудь.

– Та отвали! – рявкает другой, голос у него жутко визгливый, со рта несет гнилыми зубами. – Помогай, лучше.

Меня тащат назад по проходу, камни больно дерут пятки. Обувь уже давно слетела.

Я все еще в сознании, хотя не чувствую рук и ног. Лучше бы они меня убили сразу об стенку, чем вот так – окуная в неизвестность.

– Помочь, ребята? – говорит мужской голос в стороне. Меня бросает в дрожь. Слишком слабая надежда заставляет захрипеть.

– Подруга перепила. Мы сами, – отвечает один из нападавших. Тянут дальше. И я понимаю, что это конец.

Ничего не вижу перед собой, бурая кровь застилает глаза. Скорее всего, треснула кожа на лбу: чувствую, как что-то теплое стекает по брови и заползает под ресницы.

Удар по спине. Хватаю ртом воздух, чтобы сделать вдох, и тут же заваливаюсь вниз. Приземляюсь лицом в газонную траву и локоть впивается в податливую мякоть земли. Отчетливо слышу шлепки и удары, затем все стихает.

Кто-то переворачивает меня, я обессиленно сжимаюсь.

– Вик, все в порядке, это я – Марк, – открываю глаза и бросаюсь к нему. Сейчас мне все равно, что он чужой, сейчас он – та самая соломинка, по которой мотылек выбирается из бутылки на свободу.

Мужчина поднимает меня на руки и несет домой. Я обнимаю массивную шею, слышу терпкий запах кожи и громкий стук его сердца. И страх отступает.

Я готова признать поражение, готова к чему угодно, лишь бы не быть одной. Мысли путаются, погружаюсь в вереницу видений: авария, затем кусочки воспоминаний из больницы. Впиваюсь мертвой хваткой в футболку Марка, когда перед глазами встают образы преследователей.

– Глупая, что ж ты вышла сама? – причитает «муж». Всю дорогу домой несет меня на руках и не отпускает даже, когда мы подходим к подъезду.

– Я поднимусь. Я смогу, – шепчу, но сама не верю в сказанное.

– Нет.

– Марк, у тебя ключи есть? – говорю слабо, но говорю. Под ребрами тянущая боль, приходится набирать воздуха побольше, чтобы глотнуть его достаточно.

– Не волнуйся.

Три этажа я прислушиваюсь к его дыханию. Тоже ведь после аварии. Вольный дышит тяжело, но крепость в руках не ослабевает. Около нашей двери он аккуратно опускает меня на пол и, все еще придерживая, достает из кармана связку ключей.

Глава 20. Мотыльки

Марк относит меня в зал и усаживает на диван. Я хочу встать и пойти умыться: кровь на щеках засыхает и стягивает кожу. Его одежда и лицо тоже грязные, в бурых пятнах и потеках.

– Не двигайся, сейчас все принесу, – он останавливает меня. Вспоминаю, что футболка истерзана, и я сижу перед ним почти голая. Прикрываюсь руками. Марк лукаво, но мягко, улыбается и уходит в другую комнату. Из глубины квартиры слышу его тихую ругань.

Возвращается через несколько минут уже умытый и переодетый. Протягивает мне одежду и присаживается рядом.

– Марк, отвернись, – лепечу.

– Нет. Я должен сначала посмотреть твои ребра, или сейчас же поедем в больницу.

Не хочу туда, потому покорно соглашаюсь с мужчиной. Ладонями прикрываю грудь, но позволяю ему разрезать остатки футболки и размотать эластичный бинт. Я вся испачкана собственной кровью, но она капает с лица, на животе только грязь.

«Муж» прощупывает мои ребра. Я терплю ноющую боль и радуюсь, что не простреливает.

– Все хорошо. Отделалась испугом, – Марк вытирает меня теплой влажной тканью, затем, заворачивая в чистые бинты, внимательно смотрит в глаза.

– Я хотела увидеть своих, – начинаю оправдываться. Мне неудобно, что подвергла его опасности. Чувствую себя виноватой. Он сейчас, кажется, по-настоящему озабочен тем, что произошло.

– Вика-а, – выдыхает Марк, затем выжимает тряпку в миске с водой и прикладывает к моему лбу. – Ты как всегда!

– Что, Вика? Что всегда? Я просто шла в клуб, а это уроды… пристали ко мне. Что я сделала не так?

– Не нервничай. Я не виню тебя. Просто это безрассудно, тем более, клуб закрыт на ремонт. Просто ты забыла.

– Как закрыт?

– Ну, все-е! Завтра едем в психотерапевту! С этим надо что-то делать, – Марк бросает в миску скомканную ткань и алая вода расплескивается на ковер.

Киваю. Я согласна уже хоть куда идти, чтобы разобраться с тем, что у меня в голове.

– Есть хочешь? – Марк обрабатывает царапины на лбу, дует на рану, когда я скриплю зубами, в конце заклеивает лейкопластырем. Я все это время стоически терплю жгучую боль.

Не могу ответить – нет сил даже на вдох. Вновь киваю.

– Окей, сейчас сделаем. Пока приляг – отдохни.

– Марк, это правда?

– Что? – останавливается в дверях.

– Что родителей больше нет?

На лице у него скорбь, но он молчит. Хочется взвыть от этого взгляда: все понятно без слов. Но старая память кричит, что такого не может быть!

– А брат? Я в больнице не смогла дозвониться к нему.

Марк меняется в лице. Возвращается ко мне и приседает рядом. Я все еще прикрываюсь руками и футболкой.

– Вика, какой брат?

– Он у меня один – Артем.

– Ты что-то путаешь. У тебя нет брата. Ты одна была в семье.

Правда, или неправда, хлещет кнутом, я закусываю губы и чувствую, как текут по щекам слезы. Не могу этому сопротивляться. Все идет наперекосяк, все неправильно.

– Ма-арк, зачем ты так со мной? Я ведь помню его, помню даже номер телефона, помню, как он учил меня драться. Зачем этот обман? Что он тебе даст?

– Отдохни! – Марк резко встает, прикладывает громадную ладонь к темечку, и мое сознание проваливается во мглу.

Будто дернули тумблер или нажали кнопочку «выкл».

Сон напоминает паутину: чем больше я пытаюсь вырваться, тем больше запутываюсь. Где-то вдалеке в темноте слышен голос Марка:

– С ней что-то не так...

Затем скрипит дверь, слышу шаги, снова скрип.

– Еще рано. Она не выдержит, придется подождать. Да я и так делаю все, что могу...

Паутина колышется, больно впивается в кожу.

– Хорошо, но за все последствия будете вы отвечать!

Тьма вдруг расступается, и голос Марка разлетается эхом: ать... ать... ать...

Я выпрыгиваю из сна. «Муж» теребит меня за плечо:

– Просытайся, нужно поесть.

Фокусирую на нем взгляд и вижу лохматые снежинки в его синих глазах.

– Марк, опять! Твои радужки мерцают...

Он моргает и быстро уходит на кухню.

– Вставай, а то все остынет, – бросает из коридора.

Глава 21. Все сложно

Выхожу из комнаты, справляясь с головокружением. Проходя мимо комода, замечаю фотографию незнакомца. Хватаю ее и направляюсь на кухню.

– Кто это? – тычу «мужу» в лицо.

– Ты мне скажи, – Марк сидит за столом, закинув ногу на ногу, вальяжно растянув руки по спинке мягкого уголка.

– Но я не помню.

– Как не помнишь меня, смерть родителей и многое другое... Садись есть! – его голос резкий.

Прохожу вперед, но замираю возле табуретки.

– Ты меня обманываешь, я чувствую.

– Расскажи, – Вольный занижает голос, глядя из-под ресниц. Глаза такие мрачные, что мне становится страшно. Сажусь.

– Сон снился, словно ты говорился с кем-то.

Кажется, «мужа» передергивает.

– И что я говорил в твоем сне?

– Что со мной что-то не так, – его брови ползут вверх, глаза округляются.

– Что еще?

– Что ты не будешь отвечать...

– Твою ж мать! – он вскакивает и отходит к окну. – Я чувствовал, что все идет не так, как надо! Тварь!

Его слова секут колючей плетью, я не понимаю, что происходит. Сжимаю в пальцах фотку. Марк вдруг оборачивается. Мне хочется встать и убежать.

– Ты не мой муж? Правда ведь?

– О чем ты, Медди? – фальшивая напускная улыбка. Будто и не он секунду назад яростно кричал в воздух.

– О том, что «Медди» меня называл только один человек, и он сделал мне больно. О том, что я ненавижу эту погремуху!

– Ладно, остынь. Ты просто устала. Вероятно, у тебя не просто амнезия, а какая-то проблема психики после случившегося. Завтра утром поедем к Вере Васильевне.

– Не хочу. Мне правда нужна. Я вижу это в твоих глазах, каждый раз, когда ты смотришь на меня. Твой взгляд горит каким-то странным белым огнем.

Мужчина сжимая кулаки, снова отворачивается.

– Ты бредишь.

– Как хорошо списать все на болезнь, – бросаю на стол карточку и замираю от нахлынувшего потока мыслей.

– Вика, ты сейчас переволновалась, – Марк идет ко мне. Я настороживаюсь. Собираюсь выйти из кухни, но он успевает меня задержать, и силой усаживает на мягкий уголок. Садится напротив и не выпускает моих рук из жарких ладоней. Смотрю на наши кольца, буквы, которые выбиты на них, сияют. Я всматриваюсь. Поднимаю глаза, Вольный что-то шепчет.

– Что ты делаешь? Ты видишь это? Что с кольцами?

– Боже, Вики, не пугай меня. Я не переживу, если с тобой что-то случится, – он говорит это, а между словами кисельной рекой течет его шепот.

Пытаюсь одернуть руки, но не могу пошевелиться.

– Марк, отпусти меня, – тяну из всех сил пальцы до хруста в косточках.

А он все шепчет и шепчет. Глаза его заливают глубокой синевой, в которой порхают белые мотыльки. Меня выгибают. Я подлетаю вверх, а затем с головой лечу вниз – в обрыв. Зажмуриваю глаза и, от резкого толчка, открываю их.

Марк сидит напротив и спокойно ест. Между нами расстояние в стол. Я схожу с ума. Сошла с ума. Бессмыслица.

– Почему ты не ешь? – спрашивает он, словно две секунды назад не смотрел мне в глаза и не держал за руки.

Я поднимаюсь и негнущимися ногами бреду в комнату.

– Вика, все нормально? – кричит «муж» вслед.

Молчу. Мне жутко страшно. От виртуального падения все еще кружится голова и немного мутит.

Сажусь на кровать и смотрю в одну точку. Может все, что происходит – это в моей голове? Может это мое сознание играется? Может я действительно лишилась рассудка?

– Медная, все нормально? – Марк присаживается рядом. – Ты очень бледная. Тебе поесть нужно.

Молчу. Всматриваюсь ему в глаза: голубые, глубокие, никаких звездочек или снежинок.

– Крылова, люблю тебя. Просто знай это, – он говорит шепотом, затем прижимает к себе, а мне жутко плохо. Я, кажется, давно потеряла себя, уже ничего не чувствую – будто провалилась в вечный сон.

Глава 22. Возрождение

Мы сидим, обнявшись, долго. Не считаем времени и каждый думает о своем. Мое занемевшее тело не желает шевелиться. Марк гладит волосы, а я мечтаю, чтобы этот сон закончился...

Хотя, когда чувствую теплые ладони на голове, порхание горячих пальцев по шее, плечам, спине, я не могу точно сказать, чего хочу. Это слишком приятно, и сейчас я тянусь к ласке. Как странно осознавать, что этот мужчина мне нравится.

– Знаешь, если бы ты не выжила, я бы не боролся – убил бы себя морально, – шепчет «муж» на ухо.

Ощущение иллюзорности не покидает, но именно сейчас так хочется ненадолго оттянуть пробуждение.

Я мотаю головой, чтобы перебить странное жжение в груди. Меня манит к Марку, и от этого вожделения сводит судорогой пальцы и щиплет глаза.

А если он действительно мой муж? Ведь не может меня тянуть к первому встречному, которого знаю около недели, да и еще боюсь? Не может. Одна часть души льнет к фантому настоящего, другая – уперто возвращается к тому, что было «до».

Но он и правда мой муж – я в одну неделю теряю семью и приобретаю довольно странные отношения и штамп в паспорте, который для меня ничего не значит. Получаю за горе – жуткий утешительный приз.

Марк водит пальцами по коже головы, а меня бросает в мелкую дрожь.

Я должна этому сопротивляться. Должна.

Но не могу. Смотрю в его бездонные глаза и примиряюсь со своей участью. Возможно я многое не знаю и не понимаю, может ошибаюсь, но сейчас мне нужно это тепло. Подаюсь вперед: ныряю в его объятья и прикладываю ухо к груди. Сердце мужчины стучит гулко и ритмично. Будто я слышала его уже: такое родное и настоящее.

Пускаю в себя его запах: немного сладкий с ноткой древесины и сандаловых палочек. Он напоминает мне о чем-то глубоком, неведомом, но я не могу вспомнить о чем. Память вертится перед глазами, но я все никак не могу поймать ее за хвост.

Теплый воздух касается волос, затем опускается к виску. Слышу, как глубоко дышит Марк. Пальцы скользят по коже, и я машинально гладжу его крепкие руки с выраженным рисунком вен.

Мужчина вдруг отстраняется и обнимает мое лицо крупными ладонями.

– Мы все преодолеем. Главное, что выжили.

Киваю, а сама борюсь со рваным дыханием и невозможностью оторвать от него взгляд. Может, какие-то чувства невозможно забыть, если они сильные?

Неужели я смирилась? Неужели забыла родителей и брата? Нет.

Но я позволила на какое-то время отодвинуть память о них глубоко – на задворки. Туда, где эти мысли не будут причинять боль. Хотя бы сейчас.

Тянусь к Марку и бегло целую в губы. Он что-то шепчет – не могу разобрать что, затем, отстранившись, трется шершавой щекой и бродит горячими губами по лицу. Чувствую себя предательницей. Словно поддалась сиюминутному порыву, за которое потом буду расплачиваться. Но я уже не могу остановиться. Требую больше: еще и еще. Сама соглашаюсь на эту игру.

– Ты чувствуешь это, правда? – шепчет он в губы.

– И это сводит меня с ума. Не помню тебя, но тянет магнитом.

– Не сопротивляйся. Позволь мне любить тебя.

Целует пылко, грубо, врываясь внутрь ураганом. Ласкает языком, выхватывая, съедая последние капли моего страха, заставляя выгибаться к нему навстречу и прижиматься всем телом.

И я не могу уже вырваться из вереницы ощущений. Кажется, что есть только мы, и все вокруг замирает – ждет, пока мотыльки пляшут последний танец у огня. И меня невыносимо влечет это пламя: до боли и крика. До игл под коленками и пламени в животе.

Когда дыхание совсем зачастило, Марк внезапно отстраняется и прижимает меня к себе. Будто нуждается в передышке. Я гляжу его грудь и плечи. Мне уже все равно, что будет дальше и что было раньше. Глупо так.

Только одно ржавым гвоздем бередит душу: танцевать хочется до зубной боли, до колик, до онемения пальцев. Это зависимость, самая настоящая зависимость!

Меня ломает, и эмоции взрываются фонтаном.

Плачу, утыкаясь в прохладную футболку Марка пахнущую маслом нероли.

– Вика, не надо… – хрипло говорит он, продолжая невесомо бродить пальцами по спине и прокладывать дорожки по позвоночнику.

– Принять тебя, значит – смириться с тем, что я больше никогда их не увижу: маму, папу, Артема. Никогда.

– Это тяжело, но ты должна. Ты сильная.

– Но это больно.

– Знаю. Я с тобой. Всегда рядом. Просто помни.

– Я не выдержу без них, – гляжу в его бездонные глаза и тону в океане собственной боли. – А еще без танцев – это единственное утешение в моей жизни и теперь я не знаю, как выкарабкаться. Я ведь – наркоман музыки и ритма. Ненавижу себя за это, но это единственное, что спасает меня, когда совсем гадостно на душе.

– Но пока нельзя. Зуев предостерег. И так, ты сегодня жутко напугала меня, – Марк прижимает к себе сильней, и я наслаждаюсь его ароматом. Чувствую под пальцами бархатную кожу и мне хочется больше.

Я, словно забываю весь страх, который преследовал последние дни, словно начинаю вспоминать. Вернее, хочу вспомнить. Пытаюсь вырваться из банки, сбиваю крылья, но пока… упираюсь в крышку.

Марк встает.

– Иди сюда, – тянет за собой в коридор. В зале включает на ноуте музыку и выводит меня в центр комнаты.

Первые аккорды разливаются сладкой патокой. Они смешиваются с запахами, эмоциями, ощущениями. Изящные движения, мягкие рукопожатия, невесомые шаги и повороты. Есть нотки боли в этом танце, но я делаю очередное па и понимаю, что это именно то, что мне сейчас нужно. И он знает. Будто нарочно водит меня по грани, запутывая сильнее в свои сети.

Возрождаюсь с каждым движением, с каждым шагом. Дыхание выравнивается и становится глубже, наполняя меня новыми силами.

Мужчина отлично чувствует ритм. Я уже и забыла, что такой хороший партнер. А после событий прошлого года вообще опасалась танцевать в паре. Но сейчас этот танец невероятно отличается от тех, которые приходилось исполнять на сцене. Он наполнен свободой. Это сравнимо со свежим воздухом в деревне после душного города.

Марк удивляет с каждым шагом, с каждым поворотом и бережной поддержкой моей спины. Даже в неспешном танце он двигается так искусно, словно рожден для музыки. Он становится совсем не таким, как я его представляла вначале. Его запах кружит голову. Я утопаю в его глазах, и не могу не отвечать на его прикосновения дрожью.

Окутанная приятным теплом, вдруг вспоминаю, как мы с родителями и Артемом ходили на озеро. Сидя у костра, мы с мамой кутались в пледы, брат бренчал на гитаре, а папа рассказывал веселые истории своей молодости.

Резко останавливаюсь и отхожу в сторону.

Марк застывает с распахнутыми объятиями.

– Я не могу…

Выбегаю в коридор и, больно задев угол комода, залетаю в ванную. Мне нужно спрятаться от его глаз: они слишком пронзительные, они будто околдовывают меня, завораживают, заставляют забыть.

Отряхиваюсь возле зеркала, впиваюсь пальцами в холодный умывальник. На лице разыгрался румянец, щека в мелких ссадинах и царапинах. Глаза, будто стеклянные, напоминают сейчас цвет воды того самого озера, куда мы ездили с родителями.

Я плачу. Не могу смириться. Нельзя просить меня за один день все забыть. По-вашему, это легко? Как взмахнуть волшебной палочкой. Хотелось бы, но чудес не бывает.

Марк слишком меня волнует, если думать о нем, как о незнакомце, но еще больше волнует, что, соглашаясь с этой версией действительности, где он мой муж, я уничтожаю все, что было до аварии. И я не готова.

Смотрю в зеркало. Тонкая поверхность подрагивает и мутнеет от застилающих глаза слез. Нужно взять себя в руки, нужно попытаться принять. Но. Я. Не могу…

– Вика? – мягко зовет из-за двери Марк.

– Мне нужно побывать одной.

– Прошу только, без глупостей.

О чем он говорит? Умываюсь холодной водой: она щиплет, заходит в свежие раны, очищает от захлестнувших меня мыслей, остужая накаленные эмоции.

Поднимаю голову и снова гляжу в отражение. Кровь попала на волосы и почти незаметна. Остервенело вытаскиваю засохшие черные кусочки. Рву вместе с этими частичками душу: представляю, что все что происходит – настоящее. После этой мысли не могу сделать вдох.

Хватаю ртом воздух. Снова умываюсь, снова терплю жжение и понимаю, что ничего не помогает. Мне хочется кричать и выть. Хочется замахнуться в это чужое отражение и заставить реальность исказиться и вернуть меня в мой привычный мир…

Когда слышу грохот за спиной, понимаю, что бездумно молочу руками разбитое стекло, и Вольный уже высадил дверь. Мое отражение разорвалось на тысячи изуродованных пазлов, и на меня смотрит чужое лицо. С такими же болотными глазами, медными волосами и срезанной наискось челкой. Чудовище по другую сторону реальности.

– Вика! – кричит Марк и тут же вытягивает меня в коридор.

– Я не хочу этого! Я не могу!

– Знаю, – он несет меня в спальню. Укладывает на постель и ложится рядом. Я пытаюсь вырваться: дерусь, кусаюсь, но сил все меньше. И я затихаю.

– Ненавижу тебя…

– Знаю.

Сон смаривает так быстро, что я не успеваю ничего ответить.

Глава 23. Ничего не говори

Открываю глаза. Марк тихо сопит в ухо и крепко прижимает к себе. В окне пурпурный отлив заката.

Видно, я отключилась, а «муж», устав, тоже прилег рядом. И мы проспали до вечера.

Смотрю на свои руки. Немного расцарапаны торцы ладоней, но раны затянулись, будто я поранилась пару дней назад.

Что я наделала? Не понимаю, как это случилось. Я не собиралась себе вредить. Это глупо.

Марк заботливо укрыл меня и не выпускал из объятий. Мне становится горько от одной мысли: если он, и вправду, мой муж, я его безумно мучаю капризами.

Сейчас душевная боль ушла. Кажется, я даже слишком успокоилась. Невероятное чувство пустоты в груди, словно боль всю высосали и позволили мне не чувствовать горе.

Аккуратно выползаю из-под увесистой руки Вольного и иду на кухню.

Свет не включаю. Запахиваю посильнее халат, но поясом не подвязываюсь. Ребра уже не болят, даже намека нет, и бинты мне кажутся просто лишней одеждой. К вечеру немного похолодало: поднялся ветер, из форточки веет свежестью и озоном.

Я долго смотрю на соседние дома. За ними огромным кровавым пионом разрастается огненное зарево. Ночь опускается на землю и укрывает дворы сизым покрывалом.

Мягкие ладони вдруг обнимают со спины и привлекают к себе. Я слегка вздрогиваю, и вцепляюсь в полу халата. Слышу знакомый запах: сладко-древесный с ноткой нероли. Трусь щекой о руку Марка, затем тихо шепчу:

– Я не хотела. Не знаю, как получилось.

– Тише, все будет хорошо, – он опускает голову и шумно втягивает запах моих волос.

От его дыхания сносит крышу.

– Марк, я не помню ни черта. И все, что ты рассказываешь, повергает меня в шок. Я не представляю, как с этим бороться.

– Завтра все решим, а сейчас не волнуйся, – он глядит вперед, и в его ультрамариновых радужках пляшет огонь. Ну, хоть не снежинки.

Смотрю снизу и замираю взглядом на его губах. Что со мной не так? Мужчины никогда не притягивали меня так, как он.

– Расскажи о нашей свадьбе, – шепчу и опускаю затылок на крепкое плечо.

– Может в другой раз? Сейчас я слишком выжат. Давай, просто постоим.

– Я не против. Немного пить хочется.

Марк нехотя отпускает меня. Достает с полки два бокала, из холодильника выуживает бутылку вина.

– А как же лекарство? – спрашиваю, вдыхая аромат мускатного напитка.

– Немного можно, – «муж» цокает краем своего бокала о мой. – За тебя, любимая.

– За тебя, Марк Вольный.

– Не забудь, как только станет легче, ты тоже будешь Вольной, а не Крыловой, – мужчина выпивает вино одним махом и оставляет бокал на столе. Затем бросает на меня жгучий взгляд наполненный страстью.

Я попалась в эту сеть.

Руки колотят. Хочу сказать «нет» на выпад с фамилией, но понимаю, что в очередной раз обижу его. Пригубив вино, заставляю себя отвернуться и посмотреть на закат. Небо уже стало буро-темным: красные лучи растаяли – осталось несколько мутных разводов и полос.

И когда Марк подходит ближе, нависая надо мной, я уже знаю, что будет дальше. Знаю, что не смогу противиться.

Он двигается грациозно и медленно – напоминает тигра, крадущегося за добычей. Все ближе и ближе. Стук наших сердец и хриплое дыхание перемешивается с цоканьем часов на стене. Сейчас меня не тревожит ничего, кроме запаха Вольного и приятной тяжести в животе. Я так запуталась в этой ловушке, что уже не могу пошевелиться.

Пустой бокал выскользывает из дрожащих пальцев. Мужчина чудом перехватывает его и отставляет на стол. Осторожно, выверено, будто знает наперед, что и когда случится.

Дыхание учащается, сердце стучит ритмично и отдается в висках. Взгляд «мужа» такой жаркий, что я невольно облизываю пересохшие губы.

Марк рывком тянет меня к себе. Целует жадно, словно хочет испить до дна. А я задыхаюсь от желания продлить этот миг.

– Вика-а, я так соскучился, – шепчет он, обдавая огнем, скользя языком по коже. Испепеляя.

Я не чувствую ног. Качусь с обрыва с невыносимой скоростью и прошу… не остановить, не спасти меня, а толкнуть сильнее. Чтобы погас очаг, чтобы потушить пламя. Чтобы встретить где-то там внизу дно.

Сильные ладони заводят мои руки за голову. Непроизвольно перекладываю их Марку на плечи. Изучаю невесомым движением изгиб его шеи, заламывая пряди волос. Опускаюсь ниже и бреду по ложбинке позвоночника. Чувствую, как волнуют его мои прикосновения, как покрывается кожа бусинками, как учащается дыхание.

Марк наклоняется и, касаясь мягкими губами подбородка, изводит и мучает, не позволяя себя поцеловать. Запускает ладонь мне под футболку. И я не против. Льну к нему, ведь иначе невозможно. Он невесомо касается пальцами груди, собирая, словно росу с цветка, мою дрожь и стон.

От головокружения мир качается и пляшет.

Я целую его шею, дышу его телом и понимаю, что этот запах со мной теперь навечно. Тяну воздух и слизываю соль с кожи цвета кофе с молоком.

Марк довольно урчит и стискивает грудь сильнее, сжимая ладонь и теребя кожу. То яростно, то бережно. Обводит пальцами ареолу, будто изучая идеальный круг. Мне хочется кричать, но я закусываю губы и ныряю лицом в его густые смолистые волосы.

Не-ро-ли…

Глава 24. По острю

– Как я могла тебя забыть? – шепчу, но хочу кричать. – Это невозможно...

На миг мужчина замирает и выравнивается. Тёплые руки опускаются на талию и подталкивают меня к столу.

– Ты вспомнишь. А если нет – полюбишь снова. Я все сделаю для этого.

– Ма-а-арк, – прижимаю лоб к его губам, чувствуя поясницей холод дубовой столешницы. «Муж» обнимает меня и выжимает горячий воздух изо рта.

Горю и не могу остыть.

– Не выбгоняй меня больше, не отталкивай. Я же сгину, – говорит он надорвано. Целует волосы, словно хочет перебрать их по пряди, по волосинке.

Смеюсь.

– Ты же, как лизун. Разве тебя прогонишь?

Марк останавливается и хмурит брови.

– Липкий, что ли?

– Прилип намертво, – киваю и шепчу в губы, проводя языком по их изогнутому контуру.

Чувствую, как «муж» дрожит и как сдерживает свое нетерпение.

– Вика-а, за что нам такие испытания?

Вопрос в воздух, но такой искренний, что меня бросает в дрожь еще больше.

Гляжу на стол через плечо, вцепляясь в руки Марка. Он понимает.

Отставляет бокалы и вино на тумбочку и подсаживает меня на стол. Штамп в паспорте и невероятная тяга – делают свое дело. Только где-то глубоко под ребрами стонет прошлая жизнь: бьется о решетку настоящего и крошит ненавистные и ненужные крылья.

Вольный ухмыляется. Его взгляд скользит по щели распахнувшегося халата, и мне на миг кажется, что он удивлен. Словно видит впервые мое тело. Будто это не я потеряла память, а Марк. Ступает ближе и осторожно раздвигает мне ноги. По плечам скользит мягкий шелк, лаская и изводя мурашками. Он расплывается красной рекой по столешнице.

Хриплю имя мужчины, когда настойчивые пальцы бегут по внутренней стороне берда и замирают на кружеве белья.

– Моя – только моя. Слышишь?

– Да-а-а, – выдыхаю, и подтягиваю к себе, чувствуя его возбуждение. Стягиваю через голову несносную футболку Марка, что мешает прикоснуться к нему. Провожу ладонями по тугу стянутым бинтам. Мужчина шипит сквозь зубы, но не от боли, а от удовольствия. Целую его в острый подбородок и ловлю губами не то вздох, не то всхлип. Подеваю резинку боксеров, намереваясь раздеть полностью, но Вольный отстраняется и снимает их сам. На миг понимаю, как холодно без его теплых объятий и как бессмысленна наша история. Мы – чужие. Но нераздельные.

«Муж» осторожно проникает, прижимая мои ноги к своим бедрам, заставляя сокнуть стопы за его спиной. Чувствую крепкие пальцы на ягодицах. Впиваюсь ногтями в упругий пояс. Холод и пламя сплетаются в невероятную субстанцию. Перед глазами плывет водоворот эмоций: кончики черных волос, как ниточки, связавшие вечность; синие, будто сапфиры, глаза, которые зачаровывают; жаркое дыхание, что влетает в легкие и распускает бутон наслаждения.

Скрипит столешница от наших встречных движений. Вдох-выдох в такт. Шаг вперед. Еще вперед. Еще и еще. Поцелуй все короче, дыхание все гуще и тяжелей. Губы не смыкаются – хочется пить его страсть и плавиться от касаний.

Движения ускоряются. Ладони терзают спину, дергая лопатки, словно надавливая на нужные точки, чтобы раскрыть крылья. Марк притягивает меня к себе так сильно, что не хватает воздуха. Выгибаюсь назад, приоткрывая шею. Волосы падают на одну сторону и «муж»

впивается поцелуем в жилку под подбородком. Тянет ниточку прикосновений вверх, спутывая ее в волосах, и снова перебирается ниже – на плечо. Прикусывает ключицу.

Обе ладони Марка шарят по телу и замирают, прожигая спину. Он держит и не позволяет упасть.

Вдох-выдох. Шаги только вперед. Бег навстречу. К нему. Ненасытному и чужому. А может моему?

Марк витиевато ругается, и перехватывает руками бедра, почти до острой боли. Я понимаю, что он уже не может терпеть. И расслабляюсь.

– Не сдерживайся, – шепчу сипло.

Рывки становятся жестче, неистовей. Кожа покрывается скользкой влагой, под пальцами плывет натуральная магма. Здесь и сейчас – только его вдох и мой выдох.

Марк хрипит и вымученно выгибаются назад. Бедра прижимает к себе так сильно, что, кажется, я срастаюсь с ним. Слыши крик. Свой. Он глушит все страхи, забирает боль. Волна экстаза затапливает, будто цунами, сметая все на своем пути – страх, обиды, гнев... Как львица царапаю его гладкую кожу. Непроизвольно. Дико. Волна достигает своего пика и, пульсируя искрами, слепит глаза.

И старый мир трескается. В щели забивается новый цвет, и на сером полотне жизни смешиваются невообразимые яркие оттенки счастья, пряча настояще. Больше нет ничего – кроме этого кровавого заката, запаха Марка и веры, что все будет хорошо.

Глава 25. Сорвавшись

Просыпаюсь с ощущением дежавю. Будто повторение вчерашнего дня.

Марк сопит в ухо и крепко держит в объятьях. Только в окно заглядывает не красный закат, а размытое туманное утро.

Целую мужчину в губы. Он сладко потягивается, отчего черные волосы расползаются по подушке.

Смотрю на него и не понимаю своих чувств. Мне горько и радостно. Меня и пугает, и влечет он.

Я аккуратно сползаю с кровати, чтобы дать «мужу» еще несколько минут поспать. Не могу пока полноценно принять его статус, все еще не принимаю действительность. Не просто признаться, что у тебя больше никого нет.

Ставлю воду на спагетти, поджариваю бекон с яйцом. Пока все это готовится, нарезаю салат из огурцов и помидоров.

Кофеварка отмечает время, что напиток готов.

Расставляю посуду на столе, тянусь на полку за любимой чашкой, но тут замираю. Марк сказал, что мы решили пить из одинаковых. Почему бы и не изменить привычкам?

Выставляю на стол те самые – золотистые.

Скручиваю макароны гнездышком на тарелках, наслаждаюсь ароматом кофе. Сегодня он пахнет по-другому, по-новому.

И, довольная результатом своей готовки, возвращаюсь в спальню.

Марк еще спит.

Я некоторое время наблюдаю за ним, не решаясь будить. Пусть отдохнет сколько нужно.

Ухожу в зал. Там есть ноут. Пока «муж» спит посмотрю фильм или почитаю новости.

И меня проргеливает мыслью. Где-то на почте есть старый мейл Артема. Мы с ним не переписывались никогда, чаще созванивались, но он однажды пересыпал фотографии. Адрес в принятых письмах должен остаться.

Прикрываю дверь, в последний раз бросая взгляд на спящего Марка. Кто он, все-таки? Можно ли ему доверять? И, вспоминая вчерашнюю пылкую ночь, начинаю чувствовать, что дыхание останавливается. Я не могу балансировать меж двух реальностей. Мне придется сделать выбор. И пока чувства к мужчине не разыгрались – нужно найти ответы.

Удивляюсь, когда при запуске программы компьютер запрашивает пароль. Ввожу несколько вариантов, но программа меня не впускает. Пробую свой день рождения, наши имена, фамилии. Какая там дата свадьбы?

На носочках иду к комоду и вытаскиваю из сумки Марка пластиковую папку. Но дата свадьбы и дата его рождения тоже не подходят. Откидываюсь на спинку кресла. Зачем Вольный поставил пароль? Неужели у нас есть тайны друг от друга?

Мой взгляд зацепляется за один из шкафчиков. Где-то там должны быть спрятаны старые фотографии. Подставляю стул и начинаю выгружать вещи. Постельное белье, полотенца, ночные сорочки. Папки с фотографиями нет. Но я помню, что именно сюда ее прятала.

Если здесь что-то и было, все давно перепрятано. Мне нужно найти доказательство того, что родители живы, и брат существовал. Ведь нужно? Конечно!

Поиск в других отсеках шифоньера ничем не помогает.

Я раздосадованная выхожу на балкон. Сегодня дождливо и пасмурно. Открываю окно, вдыхая плотный влажный воздух. Двор погружен в легкую дымку. Ветер качает каштаны, прохожие прячутся под зонтами. Ловлю порцию капель в лицо. Может, не было фотографий? Может, я просто в плена подсознания? Вдруг Марк говорит правду?

Облокачиваюсь на подоконник и гляжу вниз. Раннее утро – людей совсем мало.

Мне тяжело признавать, что я верю в ненастоящее, что здесь и сейчас – это правда, а то, что осталось «до» – просто искореженная реальность в моей голове. Но Марк – кажется настоящим, кажется, что правда меня любит. И я не могу этого не чувствовать.

Замерзаю немного. Утренний холод скользит по неприкрытым рукам, покрывая кожу мелкой сыпью. Прикрываю форточку и решаю пойти к Вольному. Возле «мужа» как-то спокойней переносить эти мысли.

Уже разворачиваюсь уходить, но замечаю в боковой стенке непривычный цвет стены. Подхожу ближе. Панель из пластика, которым обит балкон, немного отодвинута и изогнута.

Отодвигаю пластину и замираю. В нише спрятаны папки, в которых, я уверена, скрыта моя прошлая жизнь. Я помню все, до единой. Вытаскиваю самую важную: красную с белой лентой на боку. И от боли опускаюсь на колени прямо на бетонный пол.

– Нашла-таки, – рычит за спиной Марк.

От его низкого голоса ползут ледяные мурашки по спине. На глаза наворачиваются слезы. Я должна быть сильной. Иначе не смогу выбраться из этой истории.

– Зачем тебе это? Кто ты? – шепчу и смиряю волну ужаса, что подбивает дыхание.

Он хватает меня за волосы и тащит в зал. Я не сопротивляюсь, едва успеваю перебирать ногами, чтобы не остаться без скальпа. Фотографии из папки рассыпаются по полу и прокладывают тропинку до балкона. Кричать нет смысла, никто не поверит. Штамп в паспорте, кольца.

Мужчина швыряет меня в центр комнаты. Я отползаю назад и забиваюсь угол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.